

Андрей Ганин
Ирена Эверт

**«Я СЛУЖИЛ, НО ПРОГЛЯДЕЛ
ЖИЗНЬ С ЕЕ РАДОСТЯМИ»
ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ДНЕВНИК И ТЮРЕМНЫЕ ПИСЬМА
ГЕНЕРАЛА А.Е. ЭВЕРТА. 1918 г.**

АННОТАЦИЯ

Послереволюционный дневник и письма бывшего главнокомандующего армиями Западного фронта генерала А.Е. Эверта подготовлены к печати А.В. Ганиным и И.Е. Эверт. Публикация предваряется вступительной статьей историко-археографического характера и сопровождается соответствующими комментариями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

А.Е. Эверт; дневники; Первая мировая война; Гражданская война; красный террор.

В ФЕВРАЛЕ 2017 г. В ЖУРНАЛЕ «РОДИНА» была опубликована статья А.В. Ганина о главнокомандующем армиями Западного фронта генерал-адъютанте **Алексее Ермолаевиче Эверте** (1857-1918). В этой статье на основе свидетельств супруги генерала излагалась оценка Эвертом его роли в отречении императора Николая II, а также была впервые точно указана дата и обстоятельства гибели генерала¹. Ранее считалось, что он пережил всех главнокомандующих фронтами Первой мировой и благополучно дожил в СССР до 1926 г., занимаясь пчеловодством². Действительность же оказалась куда более трагической. Приоткрыть завесу тайны над гибелью генерала и его внутренними переживаниями в связи с предательством императора позволили уникальные мемуары его вдовы Надежды Игнатьевны Эверт (урожденной Познанской).

Публикация вызвала отклик, причем среди откликнувшихся оказалась и И.В. Эверт — праправнучка генерала по линии его старшего сына Игнатия, расстрелянного в 1938 г.

В результате завязавшейся переписки выяснилось, что в семейном архиве И.В. Эверт сохранились ценнейшие документы генерала за 1918 г. — его дневник и тюремные письма жене, проливающие свет на последний период жизни генерала в послереволюционной России.

В дневниковых записях интересны рассуждения генерала о мотивах его участия в отречении Николая II. Эти моменты отражены в записи от 12 (25) марта 1918 г. По словам Эверта, он участвовал в отречении во имя спасения армии.

Семья Эвертов не вписалась в советские реалии. Генерала ограбила даже собственная прислуга. Приходилось как-то выживать. Национализация банков лишила семью накоплений военного времени, а все имущество осталось в Иркутске — по месту службы генерала перед Первой мировой войной командующим войсками Иркутского военного округа.

Генерал пострадал в том числе из-за своей патриотической позиции — он не желал попасть в плен к перешедшим в начале 1918 г. в наступление немцам в Смоленске, покинул город. «Я уверен, — говорил он, — что немцы окружают меня полным почетом, но очутиться у них в плену, хотя бы и почетном, я не хочу — это слишком позорно!»³ Отъезд из страны для себя генерал не мыслил: «Родился в России, в ней и умру»⁴.

В результате генерал 14 февраля оказался под арестом в Москве и до конца апреля сидел в Таганской тюрьме. Жена хлопотала об освобождении. Этого же добивался и пользовавшийся авторитетом у большевиков бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич⁵ — родной брат управляющего делами Совнаркома.

По освобождении Эверта семья перебралась в город Верею, где жил родственник. Эверт не участвовал в Гражданской войне и вообще устранился от какой-либо политической активности. Он считал себя патриотом и государственным деятелем. Когда появились известия о высадке англичан в Архангельске и о прибытии с ними генерала В.И. Гурко (слух о Гурко оказался недостоверным), Эверт был возмущен: «Я, может быть, совсем выжил из ума, но этого шага никак понять не могу: что я, русский генерал, ввел иностранные войска на свою территорию, предоставил им грабить ее и распоряжаться, как у себя дома, — нет, я не мог бы этого сделать, а ты уговаривала меня бежать за границу!»⁶

Понимал Эверт и безальтернативность выбора между красными и белыми. Как вспоминала его супруга, «в Москве... нас часто навещали бывш[ие] военные знакомые, а также и б[ывшие] сослуживцы мужа, как, напр[имер], Гуртор⁷; кроме того, при встрече на улице к мужу часто подходили не бывавшие

у нас, но знавшие мужа бывш[ие] военные, и при этом как первые, так и вторые как бы спешили заявить о своем намерении вступить в ряды Красной армии “с целью восстановления русской армии”. Муж относился скептически к этим заявлениям и всегда говорил: “Они как будто оправдываются передо мною, ссылаясь на восстановление армии, но куда же им, бедным, деваться — или к белым или к красным — ведь другого выбора нет”⁸.

30 августа 1918 г. в Петрограде застрелили чекиста М.С. Урицкого, в Москве в тот же день был тяжело ранен председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин. После этого, 5 сентября, был объявлен красный террор. Представителей буржуазии, офицерства стали брать в заложники, арестовывать и расстреливать. 20 сентября 1918 г.⁹ Эверт вновь попал в тюрьму, уже как заложник. Арестован он был по месту проживания в Верее, но содержался под арестом в Можайской тюрьме. Вновь супруга генерала добивалась его освобождения.

Последняя запись дневника датирована 10 ноября. Генерал Эверт рассуждал о возможности своего освобождения по амнистии. 12 ноября (на следующий день после завершения Первой мировой) под предлогом перевода в Москву его вывели из Можайской тюрьмы и убили.

16 ноября Н.И. Эверт поехала в Можайск, где ей сообщили, что «по требованию Всерос[сийской] чрезв[ычайной] ком[иссии] б[ывший] главнокоманд[ую]щий ген[ерал] Эверт был выведен из тюрьмы для препровождения в Москву, по дороге сделал попытку к бегству и был расстрелян»¹⁰. Анализ дневника явственно показывает, что никаких попыток к бегству Эверт сделать не мог, а лишь безропотно подчинялся всем распоряжениям тюремного начальства.

Супруга не поверила в официальную версию и потребовала выдать тело мужа. Ей отказали. После этого, вне себя от постигшего ее горя, она решила на собственное расследование: «Оказалось, что его вывели из тюрьмы под предлогом препровождения в Москву по требованию Всерос[сийской] чрезв[ычайной] ком[иссии], в 7 час. утра на следующий день после последнего моего свидания с ним, т.е. 30/X — 12/XI¹¹ под конвоем Богданова и др[угого] чекиста Ярославцева. Повели мужа по направлению к вокзалу полем, по совершенно открытой местности, и т.к. начинало уже светать, то попадались идущие навстречу, оказавшиеся невольными свидетелями этого убийства... По одной версии, между арестованным и конвойными завязался какой-то спор, конвойные как бы что-то потребовали от сопровождаемого ими, а тот отказывался и при этом остановился, потом арестованный пошел вперед, а конвойные сзади, и в это время раздался выстрел, после которого арестованный упал сначала на колени; затем последовал второй выстрел — уже смертельный. По другой версии, из-за куста выскочил з^{чи} солдат и выстрелил в спину арестованному. Затем, все свидетельские показания сводились к тому, что убитый долго лежал на дороге и при нем остался один конвойный, а другой ушел»¹².

Чекисты вернули вдове вещи мужа, включая его тюремный дневник¹³. В милиции Н.И. Эверт узнала, что муж похоронен на Успенском кладбище Можайска, но местонахождение могилы ей сообщили лишь через два с лишним года. Только тогда она смогла поставить на могиле крест. По свидетельству могильщика, Эверта похоронили «как был» — в солдатской шинели, фуражке и сапогах¹⁴.

От женщины-врача вдова получила и пулю от нагана, которая насквозь прошла тело генерала и застряла в шинели¹⁵. Пуля эта с врезавшимся куском полотна генеральской рубахи сохранилась до наших дней в частной коллекции в Москве.

Публикуемый дневник представляет собой простую тетрадь с надписью на обложке *«Думы и переживания. В случае моей смерти прошу вручить жене моей Надежде Игнатьевне Эверт»*, далее адрес и размытая дата — 15 февраля 1918 г.

Текст первой части написан рукой самого генерала, продолжение — рукой супруги Н.И. Эверт. Первая часть едва читаема (выражаем благодарность Т.А. Белову и к.и.н. Ф.А. Гущину за помощь в расшифровке текста). Тем не менее весь дневник удалось расшифровать и выверить.

Дневник рассказывает о положении самого Эверта в заключении, беседах с другими арестованными и чекистами, а также дает представление о послереволюционных взглядах генерала по широкому спектру вопросов. Материалы дневника дополняются письмами Эверта жене и детям, написанными из тюрьмы осенью 1918 г. Письма также были переписаны вдовой генерала сразу после дневниковых записей.

Выдержки из дневника были опубликованы нами в журнале «Родина»¹⁶, теперь же вниманию читателей представляется полная публикация этого значимого свидетельства эпохи. Для этой публикации текст был тщательно сверен с оригиналом, внесены необходимые исправления, документы снабжены вступительной статьей и комментариями.

Размышления генерала на склоне жизни будут интересны и для его биографов, и для исследователей истории поздней Российской империи и первых лет советской власти. Многие наблюдения и суждения генерала Эверта сохраняют свою актуальность. Публикуемые документы проливают свет на ряд слабоизученных вопросов, включая биографию автора дневника, положение «бывших» людей в Советской России, деятельность ВЧК и местных ЧК в 1918 г., красный террор, биографии упоминаемых лиц.

Документы публикуются по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Публикацию подготовили доктор исторических наук А.В. Ганин и И.В. Эверт.

Андрей Ганин. Ирена Эверт — «Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». После революционный дневник и торемные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

Генерал А.Е. Эверт

Послужной списокъ

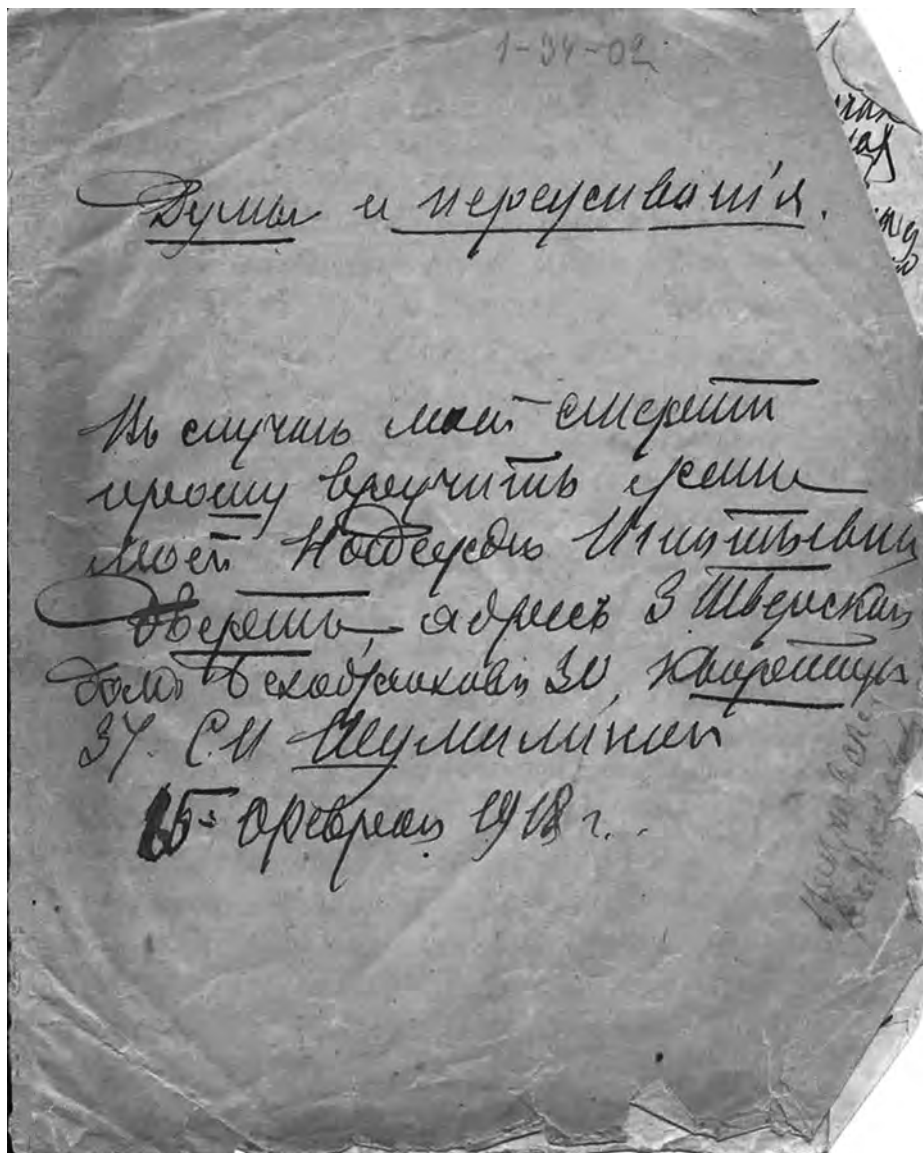
Генерала отъ Инфантеріи Генералъ-Адъютанта Э В Е Р Т А.

<p>I. Имя, имя, отчество и фамилия.</p>	<p>Числящийся по Генеральному Штабу Генералъ отъ Инфантеріи Генералъ-Адъютантъ Алексѣй Кривошеинъ Э в е р т а.</p>
<p>II. Должности по службѣ.</p>	<p>Главнокомандующій арміями Западнаго фронта.</p>
<p>III. Ордена и знаки отличія.</p>	<p>Кавалеръ орденовъ: Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3 и 4 степен., Св. Владимира 2, 3 и 4 ст. ст., Св. Анны 1, 2, 3 ст. и такого же ордена 4 степен. съ надписью "за храбрость", Св. Станислава 1 ст. съ мечами, того же орд. 2 ст. и того же ордена 3 ст. съ мечами и бантомъ, Александра Невскаго съ мечами и Бѣлаго Орла съ мечами, золотое оружіе съ надписью "за храбрость". Литеръ медали: сѣребро-бронзовую за участіе въ войнѣ съ Турціею въ 1877-1878 г. г., сѣребренную - въ память Царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, сѣребро-бронзовую въ память войны съ Японіею въ 1904-1905 г. г., сѣребро-бронзовую въ память 300 лѣтъ Царствованія Царя РОМАНОВА, знакъ Краснаго Креста и медаль Краснаго Креста. Иностранные ордена: Румынскаго желѣзнаго креста, Бухарскаго также съ алмазами, Японскій орденъ Восходящаго Солнца 1 ст., Англійскій Бани 2 ст., Французскій военный крестъ, Французскій офицерскій большаго креста ордена Почети Лёгіона, Англійск. орд. Св. Михаила и Георгія 1 ст. съ цепью и Сербскій орденъ Карагеоргиевск. знака съ мечами 2 ст. и орд. Румынскаго знака большаго креста.</p>
<p>IV. Когда родился.</p>	<p>20-го февраля 1857 года.</p>
<p>V. Изъ какого званія происходить и какой губерніи уроженецъ.</p>	<p>Изъ дворянъ Московской губерніи.</p>
<p>VI. Какого вѣроисповѣданія.</p>	<p>Православнаго.</p>
<p>VII. Гдѣ воспитывался.</p>	<p>Въ 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ по 1-му разряду / имя его занесено на мраморную доску и въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба по 1-му разряду.</p>
<p>VIII. Полученное на службѣ вознагражденіе.</p>	<p>И з л о ж е н ы я.....2940 руб. въ годъ Столовыхъ12000 руб. " " Добавочныхъ12000 руб. " " И т о г о26940 руб. въ годъ и прочіе виды денежнаго довольствія военного времени по положенію.</p> <p><i>Число: Генералъ Алексѣй Кривошеинъ Эвертъ</i></p>

Послужной список генерала А.Е. Эверта. РГВИА

«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. Андрей Ганин. Ирена Эверт

«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». После революционный дневник и торжественные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

Обложка дневника. Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

Думы и переживания.

В случае моей смерти прошу вручить жене моей Надежде Игнатьевне Эверт, адрес:

**3[-я] Тверская, дом Беложихова, 30, квартира 37 С.П. Шумиловой¹⁷
15 февраля 1918 г.**

[20 февраля / 5 марта 1918 года]¹⁸

[от]ветил¹⁹ — у меня голова на плечах. Будучи замкнутым в себе с детства я, уже с 11 лет, поняв необходимость работать, стал серьезно заниматься и отлично окончил корпус, училище, а затем и академию. Дороги были открыты. Хорошие способности и педантическое отношение к выполнению служебных обязанностей вскоре обратили на меня внимание, мною стали дорожить, а счастливо сложившаяся обстановка службы, поставившая меня близко к такому большому военному человеку, как фельдмаршал Гурко²⁰, дала мне возможность изучить боевое дело так, как ни одна академия сделать не могла. И вот судьба помимо моих забот и стараний быстро понесла меня вверх по ступеням иерархической лестницы и донесла до такой высоты, о которой я и мечтать не мог. Я лично ничего не предпринимал для этой карьеры: не заводил нужных знакомств, от начальства держался далеко, не интриговал, никому не подставил ноги. Я только всецело, всеми своими помыслами, всем своим временем отдавался службе, которую любил и считал самой почетной, самой необходимой для Родины, для ее могущества. Что же мне это дало. Бесспорно, самолюбие мое было удовлетворено. Человеку без протекции, без знакомств и связей, только личным трудом дожить до должности главнокомандующего фронтом во время Великой войны, получить звание генерала-адъютанта, все высокие ордена российские и союзных держав, в том числе Георгия 3[-й] и 4[-й] степеней за действительно славные бои, может удасться только как исключению. Обстановка материальная для меня и семьи стала вполне хорошей и в последние годы, хотя я и не имел средств, но мог жить, не рассчитывая каждую копейку, чтобы свести концы с концами, как это делал всю жизнь. Но духовных ценностей не создалось — я служил, но проглядел жизнь с ее радостями. И вот, когда я достиг высшей степени материального благополучия, Господь воочию мне показал, что все это тлен и суета. В течение года я лишился и высокого положения, и власти, потерял все, что приобрел честной 40-летней службой, и остался буквально ни с чем, даже без возможности работать, так как, отдавая всецело своему военному делу, не приобрел подготовки ни для какой работы. Нет и прочных привязанностей, о которых за службой не думал. Невольно теперь вспоминаешь слова Спасителя: «Марфа, Марфа печешися о мнози — едино же есть на потребу». И как бы теперь дороги были горячая, сердечная любовь, глубокое взаимное понимание. Но даже дети, хотя и любят меня, но полного душевного сродства между нами нет. Самый близкий, самый родной для моей души — это ты, Надя²¹, но, прожив с тобой 33 года, дал ли я тебе счастье. Перебирая мысленно всю нашу жизнь, прихожу к убеждению, что нет. Я запер тебя в клетку, не забывая о том, что если мне с моим замкнутым, угрюмым характером при заполнении времени службой в этой клетке хорошо, то тебя в твои 18 лет, с твоим живым характером, с развитыми духовными запросами эта клетка удовлетворять не может. Помню, как ты тянула меня к людям в первые годы нашей семейной жизни и как я противился этому, считая, что поддерживать знакомство у нас нет средств, и не замечая, что тебе душно, что тебя тяготит одиночество,

что тебе хочется жизни. Помню, как в Киеве, когда я с головой ушел в полковые дела, ты по неделям оставалась одна. Помню грозу, когда мы чуть не разошлись совсем. Я сознал тогда свою вину, понял, как я тебя люблю, что без тебя у меня совсем не будет жизни, не будет никого близкого. Но затем снова служба захватила меня. Ко всему этому постоянные заботы о сведении концов. Вместе со служебным повышением хотя и увеличивалось содержание, но увеличивались и расходы, тем более что и семья увеличивалась. Да, радостей жизнь нам с тобой не дала, и мы теперь с тобой у разбитого корыта. Даже в этом году, когда не стало службы, когда мы жили вместе, привычка жить в самом себе, создавшейся жизнью, по-старому владела мной. И я теперь сознаю, как тяжело это тебе, моя дорогая Надя, как клянусь за это себя. Одно оправдание — уж очень нервы издержаны. Думал я, что под старость у нас явится возможность вести скромную, но покойную жизнь, но и эти надежды пропали ныне. Да, немного дала нам с тобой жизнь радостей. Что нам сулит будущее, один Господь ведает. Закончится ли моя жизнь в ближайшее время, протянется ли еще несколько лет? Хотелось бы одно, чтобы дети не повторили моей жизни, не творили бы себе идола из своих служебных обязанностей или из своего тесного личного я. Побольше теплоты и чуткости к близким и вообще к людям, поменьше расстройств.

Теперь, когда я здесь один, в тюремной камере, я всем своим сердцем чувствую, как ты, дорогой мой друг, страдаешь за меня, как сердце твое разрывается на части, как ты места себе не находишь от тоски и терпишь унижения, хлопоча о моем освобождении или о личных, но кратковременных свиданиях со мной, а затем бежишь к дверям тюрьмы, чтобы принести мне пищу. За всю жизнь тебе не приходилось ходить по канцеляриям с просьбами, и через какие унижения тебе приходится проходить теперь. Страшно боюсь, что это отразится на твоём здоровье, и без того непрочном, и ты заболеешь. Сохрани Господь от этого нового несчастья. Жду с громадным нетерпением, хотя бы через решетку увидеть тебя.

Сегодня мне говорили, что видели тебя вчера в штабе, видимо, еще разрешения на свидание не получила. Высокое мое положение дает, видимо, обратные результаты, хотя все лягнуть.

Прости им Господи.

Ночь провели не вполне спокойно. Обыкновенно с 8 часов жизнь в тюрьме совсем замирает. Вчера лег в 10 часов и сейчас же заснул, но около 12 проснулся от шума и движения. На другой день узнал, что привели 15 офицеров, арестованных анархистами в Экономическом обществе. По их словам, анархисты хотели их обобрать, для устрашения сами бросили бомбу и сказали на офицеров. Сегодня снова приносили питание, принесли и моему служителю, между прочим, очень вкусные ржаные лепешки. Служитель очень симпатичный, скромный, услужливый, держит себя очень мило. Говорит, что арестован по наговору, будто бы он предлагал кому-то достать сколько угодно оружия, и при обыске на квартире той, где он находился, найдены 3 ручные гранаты, которые он взял на память, когда разоружали школу прапорщиков. По-видимому говорит правду. Газеты только известия Советов и анархистские, других не было.

21 февраля / 6 марта²²

Сегодня наконец получил сразу три письма от Нади, от 16, 18 и 20! По-видимому, она писала еще, т[ак] к[ак] в письме [от] 18[-20] она упоминает, что оно третье, а в письме 20[-20], что послала вчера, т.е. 19[-20], подробное письмо. По-видимому, описывала результат своих хлопот в понедельник у Аросьева²³ относительно допуска и бумаг, и, к сожалению, этого письма не получил, а это особенно интересно. Судя по оговорке в письме Веруни²⁴, нравственное потрясение не прошло для Нади бесследно: Веруня пишет, что мама ходит теперь тверже, — видимо, сердечная деятельность ослаблена, страшно боюсь, что все эти хождения по канцеляриям в хлопотах за меня и о допуске еще более повлияют на ее здоровье. К довершению всего и Веруня простудилась и вынуждена сидеть дома, недостает, чтоб они еще разболелись. Избави Господь от этого нового испытания. Надя пишет, что Веруня тоскует, что у нее все из рук валится. Жаль бесконечно бедную девочку, какая безрадостная у нее юность. К сожалению, характер у нее слабый, и невзгоды его не закалят. Если меня скоро не выпустят, надо будет вернуть ее в Смоленск. А то она здесь зачахнет. Да, бедная моя Надюша, и все же твоя жизнь не особенно светлая, а последние четыре года это сплошное мученичество, как еще у тебя достает сил все это перенести. Главное, издали все несравнимо страшнее — ты наверно слишком мрачными красками рисуешь мое состояние, но между тем пока что я переношу свое заключение легко, много читаю, теперь буду вести этот дневник впечатлений и, может быть, и воспоминаний о былом. Конечно, оскорбительно, что кто-то по произволу, совершенно без всяких оснований имеет возможность лишать свободы и держать взаперти. Что делать, такие времена переживаем. Только что один из надзирателей рассказывал, что он случайно по знакомству старому с одним большевиком попал в их компанию. Его спросили, какого он о них мнения; после того как его успокоили, что он может говорить откровенно, они не обидятся и ничего ему не сделают, — он ответил, что они воскресили времена опричников Иоанна Грозного; что вор и разбойник, когда грабит, рискует жизнью или по крайней мере свободой, а они проделывают это, ничем не рискуя. Вот еще пример свободы личности и слова. Вчера в 9 ч[асов] вечера в коридоре раздались истеричные рыдания — оказалось, привезли одного господина лет под 50, весьма, по-видимому, скромного. Ехал он в трамвае, разговорились о мире, он высказал отрицательные взгляды, и что Россия доведена до позора и рабства, и когда выходил из трамвая, был арестован и отправлен в тюрьму. Дома остались жена и двое детей, не имеющих понятия, где он и что с ним. Только что выпустили группу офицеров, арестованных в Экономическом обществе, зато привезли еще одного генерала — Оболенева²⁵. Сегодня достал Евангелие. День прошел обычно. Самое лучшее время, когда выпускают на прогулку, один день в 9 ч[асов] утра и другой около 2-х. Не люблю, когда гуляем утром, после нечего уже ждать.

22 фев[раля] / 7 м[а]р[та]

Сегодня исполнилась неделя, как я здесь. Бог знает сколько недель еще проведу я здесь. Думаю, что немало. Такого туза, как бывший главнокомандующий ген[ерал] Эверт, скоро не выпустят. Они и без рассмотрения дела отлично зна-

ют, что основания к моему задержанию не имеется, но как же, во-первых, не покуражиться, а во-вторых, никто из них не посмеет дать распоряжение об освобождении из опасения обвинения в потворстве так называемым буржуям или контрреволюционерам; какая опошлившаяся кличка. В себе я не смущусь, я уже давно готов ко всему, давно сказал себе: Да будет воля Твоя. Я и с этой жизнью сживусь и не упаду духом. Если и болит моя душа, так это за Надю и Веруньку. Все ведь на свете относительно, разве много будет отличаться жизнь их от моей. То же отсутствие каких-либо интересов, отсутствие обязательной, а не придуманной работы, также тоска одиночества, ведь Саня при всем ее внимании и любви не может заменить детей и внуков для Нади и подруг для Веруни. При этом отсутствие света, простора и природы, как в Смоленске. Ведь они исчахнут от тоски. А лето? Неужели им оставаться в душной Москве, чтобы 2-3 часа в неделю видеть меня. Нет, сохрани Бог; необходимо убедить их уехать. Ведь не виделись же мы весь первый год войны, да и в последующие годы видались урывками. Если завтра Надю еще не допустят, надо написать ей об этом. Пусть заранее свыкнется с этой мыслью и начнет подготавливать место пребывания в Смоленске. Этот выход оживит и Веруню. Для кого же стоит еще жить, как не для них. Никогда бы себе не простил, если бы они остались здесь ради меня и тосковали. В Смоленске они не будут чувствовать такого одиночества и, может быть, и дело найдут.

Сегодня я много ходил, соседи все ушли в баню, я просил не запирать камеры, отворил калитку²⁶ и целый час ходил быстро по длинному коридору, испытывая истинное физическое наслаждение от движения, да кроме того 3/4 [часа] на прогулке. Здесь встретился с Оболюшевым, прибывшим вчера. Стремится скорее устроить освобождение путем внесения какого-либо размера залога, говорит, что ничего не мог есть, такая гадость, и потому голодает. Вот что значит избалованность, а я ем и суп, и кашу, и капусту вместо каши и нахожу, что есть можно, да и что возможно сделать на 32 коп. на человека при настоящей дороговизне, достаточно уже того, что дают вполне удовлетворительного хлеба, а сегодня даже хорошего и в количестве вполне достаточном на день. Жилинский²⁷ и Астафьев относятся с гораздо более значительной выдержкой, тем более что здоровье Жилинского не из важных. Вчера вечером привезли директора Сибирского банка, всю ночь он прокашлял и на вид чахоточный. Видел сегодня сон, что с Надей занимаем дачу у Шивандиной, но какую-то знакомую, около которой жили в молодости, часть местности напоминает Гродиск²⁸, только от железной дороги надо спуститься по крутой лестнице, причем последняя ступенька от земли на высоте роста человека и необходимо прыгать.

Вместе с нами ходили на дачу какие-то знакомые офицеры Ген[ерального] штаба, лиц не помню, но как будто Янушевский²⁹ и Дернов³⁰. Дачу представляю ясно из 4^х комнат с террасой, в большой зале художественная бронзовая люстра, причем вставлены только 3 целых и одна поломанная свеча, остальные подсвечники пусты. Видел также Прасалова³¹, будто приехавшего к нам. Ну что-то принесет Господь на завтрашний день, увижу ли Надю и, может быть, и Веруню, выздоровела ли она.

Пятница, 23 ф[евраля] / 8 м[арта]

Надежда увидеть сегодня Надю и Веруньку не осуществилась, видимо, ей не удалось в понедельник добиться допуска, и один Бог знает, когда я ее увижу, а тем более когда меня освободят. Права не существует, и справедливости, и человечности тем более. Повторяю, они даже побоятся скоро освободить, во избежание упрека в слабости и поблажке. Ну да Бог с ними, на все воля Божья. Сегодня, отчаявшись видеть Надю, написал ей письмо, прося обдумать переезд ее с Веруней в Смоленск. Сегодня в «Раннем утре» помещено известие о моем аресте с указанием, что я приехал под чужим именем, но при аресте держал себя с большим достоинством. Послал редактору письмо, прося опровергнуть это известие, указав в письме, что я уехал из Смоленска ввиду наступления немцев, возможности захвата Смоленска, считая для себя как бывшего главнокомандующего постыдным подчиняться немцам. Уехал с ведома штаба Минск[ого] округа и лично от пом[ощни]ка нач[альни]ка штаба главнокомандующего Западным фронтом Мясникова³² — Нестеровского. Удостоверение на свободный проезд в Москву от 23 ф[евраля] №³³.

Выехал из Смоленска 24[-го], приехал 26[-го], а в ночь с 27[-го] на 28[-е] был арестован, хотя при обыске ничего компрометирующего не найдено. Какие основания для лишения меня свободы, мне совершенно не известно. Интересно, поместит ли он это опровержение? Сегодня вышли и «Рус[ские] вед[омо]сти», и «Раннее утро». Какие печальные для России условия мира. Все к западу от линии Нарва, Псков, Полоцк, Бобруйск, Киев отходит от России; с Украиной Великороссия должна заключить мир, признав ее самостоятельность, причем границы не определены; Ардаган, Карс и Батум отходят к Турции; экономическое порабощение России полное, она обращается в рабов, подготовляющих для Германии сырье по дешевой цене. Хуже этого и придумать ничего невозможно, и насколько выгоднее были прежние условия в Бресте. Будь трижды проклят Троцкий — Бронштейн³⁴ за его англожидовский и глупый жест, так дорого стоивший России, ведь независимо Ревеля, Пскова, Двинска, Минска, Могилева, Киева, Ардагана, Карса, Батума, немцы захватили более 1000 орудий, громадное число пулеметов, ружей, подвижного состава, обозы и склады с имуществом и продовольствием. Да и мы лично пострадали — сидели бы спокойно в Смоленске, и не находился бы я в тюрьме. А теперь и другая напасть идет на бедную Россию; с востока идут японцы с намерением занять Сибирь до Байкала и оккупировать Сибирскую дорогу до Урала. Великороссам, отрезанным от житниц, не имеющим своей промышленности, с надорванным кредитом остается лишь умирать с голоду. Да, послал Господь Бог испытания на всех нас. Не касаются ли нас слова Спасителя ученикам — Евангелие [от] Матфея, глава 24, ст. 7, 8, 9 и 10. День прошел грустно, во-первых, огорчило, что не видел Надю и Веруню, и к довершению всего на прогулке поскользнулся и упал во весь рост, чувствую сильную боль в спине у лопатки, и тяжело дышать. Вот не вовремя будет, если от этой глупости еще захвораю, когда необходимо особенно здоровье, чтобы переносить то состояние, в котором нахожусь. Беспокоит меня и судьба сданного в Иркутске на сохранение серебра. Какую глупость я сделал, что после отставки не поехал в Иркутск и не распродал все оставленное там имуще-

ство. Все надеялся на возможность перевезти его после мира. Теперь имущество, очевидно, все разгромлено, а с наступлением японцев и перевозкой Иркутского банка и серебро пропадет. Право, судьба моя напоминает судьбу Иова — за эти годы лишился сына и дочери³⁵ и всего своего имущества. Как будем жить, один Господь ведает. Сохрани Господи Боже Игнашу, Надю и оставшихся детей, укрой их Богородица Твоим Святым Покровом.

Суббота 24 февраля / 9 марта

Падение мое оказалось, однако, весьма сильным, ночью больно было лежать на боку, с трудом и болью мог повернуться, тяжело было дышать. Сегодня несколько легче. Бог даст, пройдет благополучно, очень бы не хотел разболеться и обращаться к доктору. За ночь решил и сегодня обратился с прошением к заведующему политическим отделом с просьбой ускорить рассмотрение моего дела, или же по крайней мере видеть Надю под расписку денежной бумаги, указа об отставке и метрики Веры.

К сожалению, это остается бесплодным, ибо сегодня прочел в газетах о расформировании штаба, и заведующий отделом Аросьев, видимо, уже не ведает этим отделом.

Мы, видимо, попали в водоворот: на днях Совет [народных] комиссаров переносится в Москву, сюда переносится столица, и, конечно, возникает столько вопросов и дел, начиная с ратификации мирного договора, что теперь будет не до нас. Газеты нерадостно читать: все больше и больше раскрываются тяжелые перспективы мирного договора и тяжелого внутреннего состояния страны. В Петрограде расстрелы за расстрелами, в Севастополе в одну ночь расстреляли 250 человек, в других городах не лучше. Возможно, что то же повторится и в Москве, одновременно с переездом комиссаров и Ц.И.К. переезжают и анархисты и несомненно поведут борьбу за власть. Пожалуй, на самом деле теперь самое спокойное место в тюрьме, тем более что здешнее все начальство хотя и не делает никаких поблажек, но держат себя человечно. Не дай Бог, если его сменят и заместят иными. Теперь понятно, почему Надя не добила допуск: ввиду предстоявшей смены Аросьев не хотел разбираться в моем деле и брать на себя какую-либо ответственность и, вероятно, теперь нескоро мы увидимся, пока Москва не успокоится по случаю прибытия правительства, и все не войдет, хоть отчасти, в свою колею. Что же, остается терпеливо ждать, когда настанет эта счастливая минута. Мне бы хотелось хоть раз, хоть на минуту на нее взглянуть и убедиться лично, что она здорова. Ведь вот только в разлуке понимаешь, как любишь, сознаю, как дорога Надя мне и как вместе по целым дням молчим и все, что на душе, всю переживаемую тяготу переживешь отдельно, молча борешься со своими мыслями. Я долго не понимал, как это объяснить, и только здесь объяснил мне причину Гейерстам своим романом «Борьба душ»³⁶. Только теперь я понимаю, что и этому причина та же «служба» и навязчивая с детства идея пробить себе дорогу. Постоянно занятый службой, уходя мыслями в нее, я оставлял без внимания, чем жила и интересовалась Надя. Мало занимался и детьми, хоть и очень любил ее и детей. Надя, вероятно, объясняла это недостатком любви,

постепенно тоже замыкалась в себе, так и создалась привычка жить в себе. Какой это хороший роман, как верны, например, эти слова: «Если муж и жена, любившие друг друга, привыкнув в течение долгих лет молчать, вокруг каждого из них образуется пустота, препятствующая им видеть и понимать скрытые муки друг друга. Ведь нет худшего проводника для звука, как пустота. Одиноко живут они, и эта изоляция тем полнее, тем ужаснее, чем сильнее чувствовали прежде утешения в близости». Или далее: «Бывает, что душа одного медленно умирает и другой не замечает этого. Никто не бывает так глух и слеп к любимому человеку, как тот, который считает себя им оскорбленным и намеренно замыкает от него свое сердце. Он перетолковывает превратно даже очевидные вещи. Сердце его замкнуто между ним и тем, кто был ему так близок, царит глубокое молчание и мучит их души хуже, чем слова». Сколько правды в этом. Как я чувствую себя виноватым перед тобой, Надя, что не дал тебе счастья и вместе с тем испортил и свою жизнь, забыв слова Спасителя: «Печемся о многом, а едино на потребу». Боюсь, что и Игнаша³⁷ идет по моим следам, и его семейные отношения слишком основаны на разуме и в них недостаточно сердечной теплоты, а между тем и у него с Надей³⁸ могла бы быть духовная и сердечная близость, и это отразится и на детях, как это отразилось у меня с детьми. Теперь я глубоко скорблю, что между нами нет духовной близости — по-видимому, не будет и у Игнаши. Непременно посоветую Наде и Игнаше прочесть этот роман. Много в нем метких выражений и мыслей. Как, например, это верно: «Мысли хуже троллей, против них бессильны и Библия и крест, они не боятся ни кинжала, ни пуля. Как прилежные грызуны, трудятся они над всякой гнилью, и тот, кто не чувствует под собой твердой почвы, боится их как чумы».

Или «именно в то время, когда материально жилось легче и сытнее, я с грустью вспоминал о том времени, когда мы должны были рассчитывать и урезать себя, когда удовольствия были редкостью и когда мы были счастливее». Разве не то же можем и мы сказать про свою жизнь. Или «мне кажется, что такое состояние должен испытывать рабочий, когда у него под ногами ломается доска как раз в ту самую минуту, когда он собирался закрепить ряд камней над крышей возводимого здания. Большинство в таком случае теряют способность соображать и или хватается за незакрепленные камни, или падает плашмя. Да, и нелегко сохранить присутствие духа, когда опора уходит из-под ног и причиной этому не твой неверный шаг, а то, что сама почва уходит из-под ног». Разве не так же, плашмя, свалился я. Ну, однако, довольно — всего не выразишь, но я давно уже с таким наслаждением ничего не читал.

Настоящий день почти не интересен, что-то Господь даст завтра, а может быть, Наде и удалось достать допуск, или по крайней мере получу письмо.

Воскресенье 25 февраля / 10 марта

Надежды не оправдались, Нади не было, следовательно, допуск она не получила. Крайне интересуется, что ей сказал Аросьев. Она, судя по письму 20[-20] ч[исла], подробно сообщила в письме 19⁻²⁰, но я его и до сих пор не получил. Ввиду продолжающегося турбильона (вихрь), среди которого мы находились, на скорое свидание

рассчитывать трудно, все будут заняты прибытием правительства в Москву, до нас ли теперь им, да и заменивший Аросьева когда-то ознакомится с делом. Хоть бы письма доходили, все-таки было бы утешение, но они, видимо, систематично пропадают, или начальство тюрьмы не успевают их прочитывать, ведь их поступает масса. Мои письма, видимо, доходят, т[ак] к[ак] зеркало, о чем я писал в прошлом письме, сегодня принесли. Сегодня написал Наде 5[-е] письмо, советую выяснить, куда дело мое и бумаги переданы, и вновь там заявить просьбу о свиданиях и выдаче бумаг. Сегодня были на обедне, большое это утешение. Как бы хотелось исповедоваться на первой неделе.

Газеты бесцветны, все кругом мрачно, ничего радостного, что дало бы хоть маленькое утешение. К сожителю все больше привыкаю, славный мальчик, вежливый, чистенький, не глупый; видимо, любимец семьи, ему каждый раз приносят в изобилии снедогого, и все хорошего качества, напр[имер] какао, ветчина, сыр, вареные колбасы. Он тоже, видимо, очень любит мать и отца. Держит он себя с таким тактом, что 50% офицеров были бы, несомненно, сожителями менее привлекательными. «Борьбу душ» дочитал, написал Наде, чтобы она непременно прочла эту книгу. Завтра начну читать «Роковые силы», тоже Гейерстама³⁹.

Боль в боку еще продолжается, придется, видимо, смазать йодом. Что-то с Бобиком⁴⁰ и где он теперь. Флот должен оставить Гельсингфорс⁴¹, Финляндия самостоятельная, призывает германские войска для водворения порядка и даже приглашает младшего сына Вильгельма быть великим князем. Флот должен будет разоружиться, да и где ему плавать, не в Ладожском же озере. Как-то судьба его и Володи⁴² сложится, ведь ни армии, ни флота. Какое дело они себе найдут. Да и к какому делу мы все-то пристроимся. Сколько думаю — не могу придумать. Совершенно безвыходный тупик. Ну мои-то дни сочтены, а как они, как сложится жизнь у Веруни, как переживет все Валя⁴³ с Ириночкой⁴⁴, ведь Вас[илий] Вас[ильевич]⁴⁵ такой не энергичный. Игнаша с Надей скорее других смогут стать на ноги, а для остальных жизнь будет бесконечно тяжела, тем более что веры нет, следовательно, нет и утешения; нет и привычки к постоянному труду. Эти мысли куда более меня озабочивают, чем мое заключение в тюрьму. Только и надежда на Божье милосердие.

Понедельник 26 ф[евраля] / 11 м[арта]

Сегодня у меня праздник: получил сразу два письма от Нади, одно от Вали, одно от Игнаши, да Надя переслала еще Валино письмо. Надя пишет, что все хлопочет о допуске, но штаб округа исчез, и никто не знает, где он находится, где она ни справлялась, никто не знает, да бумаги хотя и обещали прислать с нарочным, но не прислали. Так как я и предполагал, мы попали в водоворот перемен. Сейчас, однако, говорил Е.Н. Юревич⁴⁶, что политический отдел переезжает в Александровское училище и, по-видимому, во главе остается Аросьев; хорошо, если так, все-таки смены нежелательны. Надя молодцом справляется со своим положением. Бобик в Гельсингфорсе, прислал телеграмму и спрашивает обо мне, неужели и там известно об аресте. Володя переехал в Тамбов и оттуда предполагает приехать в Москву. Надя пишет, что получила очень сердечные и теплые письма

от него и Игнаши, последний порывается приехать, но боится оставить семью и быть отрезанным, т[ак] к[ак] немцы в 60 верстах. Что же, все возможно. Валя прислала мне очень сердечное письмо. Слава Богу, они устроились — остались на той же квартире — 5 комнат сдали Гагариным с освещением, но без отопления за 150 р. Себе оставили гостиную и спальню, а следовательно, топить одну печь, и дров хватит, и платить дешево. В.В.⁴⁷ поступил писарем, няньки⁴⁸ прекрасные, обед и ужин берут за 1 р. 10 к., очень хороший. За уроки Валя получит 180, а может быть, и 240 р. Словом, обстановка улучшилась, и за них можно быть покойным. Вот Игнаша бедный все не может устроиться с местом, безработица, конечно, должна очень его удручать, что и видно из его письма. Дай-то Бог хоть что-либо ему получить. Занятия в гимназии идут плохо, и Веруня в сущности ничего не потеряет, особенно если у нее наладятся занятия с мамой. Из Смоленска все усиленно эвакуируют, порядка, видимо, мало, и стрельба постоянная, видимо, городу придется пережить несколько дней анархии. Письмо Вали в высшей степени серьезное. Она удивляется, как велика сила веры, которая дает мне возможность так спокойно все переносить. Да, скажу, что вера дает не только силу, но и счастье. Слова Спасителя: «Возьмите иго мое на себя, ибо иго мое — благо и бремя мое легко есть» велики своей простотой и дают силу переносить все. Мне глубоко отрадно сознание, что я решительно никакой злобы не питаю к тем, которые меня арестовали и отправили в тюрьму. Да и за что бы я питал на них злобу — они лишь слепые исполнители велений создавшейся обстановки, а последняя — результат исторического хода жизни России. Чтобы быть справедливым, надо спокойно уяснить себе смысл всего происходящего. По тем же основаниям исторического хода, при каковых гибели или разрушались прежние великие государства, гибнет и русская империя. Разве может существовать и развиваться государство, в котором подорвана вера, нет любви и преданности к Родине, нет прочной семьи, где слабо развито чувство долга, добросовестность в работе, самоуважение, уважение чужой собственности. А ведь все это недостатки, свойственные русскому и пышно разросшиеся за последние 50 лет. На самом деле прежде в народе была слепая вера, веровали, по словам Спасителя, как дети. За последние 50 лет вера эта старательно подрывалась, с одной стороны, нашей беспочвенной интеллигенцией и недоучками, нищенски обставленными и потому озлобленными учителями народных школ, а с другой — полным индифферентизмом и пассивностью нашего духовенства, а часто и дурной их жизнью. И вот теперь храмы если и посещаются, то только еще обездоленными интеллигентами и женщинами да стариками, верующих моложе 30 лет в храме не бывает, а многие относятся к святым прямо кощунственно. Семейные отношения, святость домашнего очага, уважение к родителям и к старикам тоже старательно разрушались нашей прессой и интеллигенцией — в результате семьи нет не только в высших классах, но и среди народа; зачастую бывают факты, что сын бьет смертным боем отца и мать.

А где нет семьи, этой ячейки государственности, там нет и государственности! Власть подтачивалась и осмеивалась всеми кому не лень. Народ не только не воспитывался в уважении и любви к Родине, не только не внедрялось горделивое

сознание «Я русский», напротив, русский за границей старательно скрывал свое русское происхождение, гордясь, когда ему говорили, что его приняли за француза, немца, англичанина, кого-либо, только не русского. И это велось с Петра. Чувство долга совершенно не развивалось, как и добросовестного отношения к своим обязанностям. Немец делает колбасу и то старается ее совершенствовать и видит в этом задачу всей своей жизни, японец, что бы ни делал, доводит свою работу до полной законченности, а русский ко всему относился, чтобы лишь сбыть. Авань, небось, да как-нибудь и кое-как прошло в плоть и кровь. К самоуважению русский не приучен, и татарщина и крепостничество и вышло недобросовестным отношением к делу и долгу. Уважения к чужой собственности никогда не было, с детства залезть в чужие сады и огороды считалось доблестью. Чувство любви к ближнему совершенно не воспитывалось, напротив того, паразитная жизнь помещиков во время крепостного права и большинства из них и впоследствии, роскошь богатых в тратах, громадные барыши промышленников родили рознь между классами, зависть и злобу крестьян и рабочих, старательно разжигаемую умственным пролетариатом. При таких условиях государство могло держаться только сильной властью. А как только власть поколебалась, весь государственный организм, естественно, распался. Покатившаяся лавина должна докатиться до конца, и мы должны докатиться до полной нищеты самоуничтожения и государственной гибели. Все ужасные эксцессы грабежей, насилия, расстрелов, разгромов, истребления государственных и духовных ценностей — естественное последствие уклада жизни России. Мы несчастны, что живем во время развития этого крушения, но, по совести, хорошо вдумавшись, не могу винить всецело какие-либо партии и тем более отдельных лиц. Если бы мне предложили теперь поменяться с Лениным, Троцким или кем-либо из правителей, я, не колеблясь, предпочел бы остаться в своей тюремной камере. Они не делают теперь истории, их несет историческая волна, интеллигенция пожинает то, что посеяла.

Вторник 27 фев[раля] / 12 мар[та]

Нади опять не было, бедная бьется как рыба об лед, переносит все мытарства хождения по канцеляриям, приходится встречаться со всей невоспитанностью, ждать среди грязи, и все напрасно. Она пишет, что штаб округа и, в частности, политический отдел исчез неизвестно куда. Правда, он переформировывается и, по словам Юревича, переезжает в Александровское училище, но вчера еще был на Пречистенке, по крайней мере сестра Оболешева добилась свидания с Аросьевым. Ей тоже ответили, что его нет, а когда она ответила, что наверное⁴⁹ знает, что он дома, ее отвели в кабинет, чтобы она лично убедилась, что ее сведения не верны, и когда отворили дверь, то оказалось, что Аросьев сидит в кабинете. Добиваться таким способом, конечно, неудобно, можно нарваться на грубость, но он, видимо, уклоняется от свиданий. Юревич говорил, что прошение мое пошло. Сегодня на прогулке мне говорил Оболешев, что будто бы Милюков⁵⁰ писал кому-то в письме, что в течение 1916 г. они, то есть кадеты, вели сознательно пропаганду с целью вызвать революцию после войны. Узнав, что армия усиленно готовится к широкому наступлению против немцев в 1917 г. весной совместно с союзниками, что

приготовлена мощная артиллерия, опасаясь, что в случае победы над немцами и победоносного мира явится общий подъем и революция не состоится, а трон окрепнет, они рискнули вызвать революцию в феврале, свалить престол и затем, используя подготовку армии, разбить немцев, что явилось бы успехом партии, что они видят теперь, как они ошиблись в расчетах, и что делать, не знают. Если это так и письмо не апокрифическое, то какая же подлая эта партия, позволившая себе так рисковать и играть будущностью ее страны. День прошел по обычаю, второй день уже мажу бок йодом по совету доктора — боль меньше, хотя еще чувствуется. Послал Наде 6^е письмо.

Среда 28 февр[аля] / 13 м[а]рт[а]

Сегодня пришел Евгений Нилович⁵¹ и сообщил, что дело мое движется благоприятно, решено передать его в следственную комиссию, какую точно, сообщить не мог, не то в состоящую при революционном трибунале, не то в особую следственную комиссию по контрреволюционным делам, состоящую при комиссаре юстиции и расположенную в здании судебных установлений, что в Кремле. Меня это известие не обрадовало: мне казалось, что до такой степени очевидно, что никаких оснований для ареста не имелось, что я мог ожидать немедленного освобождения. Очевидно, как я и предполагал, что с приездом в Москву Аросьев не решился взять на себя решение моего дела и освободить такого большого туза, как я. Теперь несомненно дело затянется, и главное — Наде придется претерпевать новые митарства, добываясь свиданий, т[ак] к[ак] разрешение их будет зависеть от следственной комиссии. Если бы нас не обокрали и оставались бы не такие гроши, как теперь, с удовольствием обратился бы к присяжному поверенному — только с целью ускорить рассмотрение по делу и добиться свидания, теперь это невозможно. Для меня лично это не так уже тяжело. Я разбил день на 3 периода; в первый от утреннего чая до обеда с 9 до 11 часов читаю Евангелие, после обеда до ужина с 12 до 5 читаю беллетристику, после ужина с 6 до 10 пишу письмо и воспоминания. Каждый период доставляет свое наслаждение, каждого я жду, и день проходит незаметно. Невольно вспоминаю маму; у нее тоже весь день был разбит по часам, и она никогда не знала скуки. Принимаюсь сегодня за свои воспоминания. Наде послал 7[-е] письмо относительно хода дела.

1 / 14 марта, четверг

Сегодня опять у меня праздник, получил 3 письма от Нади, от 21, 22 и 28[-го], последнее с приложением письма Бобика, и кроме того письма от Вали и Игнаши с Надей. Надя описывает свои похождения за разрешением свиданий. По 2-3 часа приходится сидеть в приемной и затем получать ответ, что сегодня принимать не будет и приходите спустя несколько дней. Ругают бюрократов старого режима, но ни у одного самого толстокожего никогда ничего подобного не бывало. Надеется все-таки сегодня добиться на завтра или воскресенье. Буду ждать, хотя надежда слабая, если дело будет передано. Один юрист сообщил, что до окончания дела свиданий не разрешают. Это он врет: разрешили же Оболенева сестре свидание с братом, арестованным после меня на 3ий день после ареста, только она действо-

вала нахрапом, чего я бы не желал — можно нарваться на грубость. Бедная Надя, видимо, совсем приходит в унынье, страдает за меня, бьется как рыба об лед, и все напрасно. Занятия с Веруней начались, хлопочет об уроках еще. Это, конечно, было бы хорошо, отвлекало бы мысли, но едва ли она найдет. Вера, по-видимому, судя по письмам, очень скучает, нельзя же все время только лежать и читать. Игнаша и Надя уговаривают, чтобы Вера возвратилась и кончила гимназию, это, конечно, было бы совершенно правильно, но, во-первых, ехать она одна не может, а приехать за ней едва ли Игнаша сможет ввиду запрещения въезда в Москву, кроме того ввиду эвакуации Москвы. Если Вера уедет, то ей едва ли удастся возвратиться, а оставаться Наде одной будет слишком тяжело, и кроме того ввиду той же эвакуации, может быть, и Наде придется уехать отсюда. Ужасна эта неопределенность. Никакие планы жизни составить нельзя. А если Надя вынуждена будет уехать, где она в Смоленске устроится и как тяжело будет ей оставить меня, а мне сознавать, что и надежда видеть ее хотя на свиданиях рушится. Один Бог знает, как все это будет, да будет воля Его.

Письмо Бобика очень милое; пишет, что работает в артели и зарабатывает от 25 до 60 р[ублей] в день, собирается даже нам помочь. Дай Бог, если бы так, кроме помощи нам, это закалит и его характер. Валя прислала очень милое письмо, описывает, как сложилась у них жизнь, как они устроились. Предлагает возвратить данные мною 3000 р[ублей], прислав маме книжку сберегат[ельной] кассы. Сегодня посылаю ей письмо, благодарю, не отказываюсь, но прошу пока книжку не высылать ввиду возможности возврата нашего или мамы с Верой. Игнаша все еще, бедный, не устроился, все обещают еще временно место секретаря педагогического отдела, да, может быть, удадутся уроки для отставших по русскому языку. Бобик, оказывается, уже знает о моем аресте. Удивительно скоро дошли эти вести до Гельсингфорса. Сегодня написал Наде письмо с препровождением письма Игнаши и моим мнением, что хоть и желательно Вере окончить гимназию, но ехать одной невозможно, а Игнаша ввиду запрещения въезда в Москву едва ли сможет приехать, да и бедной Наде будет слишком тяжело одной. Написал также по второму письму Наде и Игнаше. В газетах ничего. Сегодня собирается съезд для конфирмации мира. В съезде 732 большевик[а], 238 левых эсеров и около 100 остальных. Результат несомненный, тем не менее корреспонденты буржуйских газет не допущены на съезд. Да и что могут сделать, как не утвердить мир.

2 / 15 марта, пятница

Надежды Нади добиться свиданий не оправдались. Мне здесь передавали, что один из получавших разрешение видел ее у Аросьева, что в свиданиях ей было отказано, но что бумаги ей возвратили — вопрос, все ли. Вчера послал Наде 8[-е] письмо и Игнаше и Вале по второму. Сегодня написал Бобику. В газетах напечатана речь Ленина, по-моему вполне бесцветная; говорил об этапах революции; об успехах большевиков внутри, но что они не в силах одни бороться с мировым капитализмом и что необходима передышка, для чего и приходится заключить мир и выждать, когда пролетариат, видя успехи его в России, восстанет во всем мире. На съезде была прочитана телеграмма Вильсона⁵², выражающего сочув-

ствии североамериканцев, послана ответная в весьма резкой форме, в виде сочувствия американским рабочим, изнывающим под гнетом капитализма. Вечером получена была телеграмма, что Одесса взята австрийцами. Большевики приняли другое наименование «Коммунистической» партии. Военным комиссаром назначен Бронштейн-Троцкий⁵³, должность Верховного главнокомандующего упразднена.

3 / 16 марта, суббота

Сегодня день прошел бесцветно. В газетах пережевывают тяжелые условия мира. Появилось известие, что немцы требуют разрешения принять в Петроград, Москву и другие большие центры контрольных депутатов, для того чтобы следить за исполнением мирных условий, эти депутаты будут заседать в министерствах с правом veto, иными словами, полное завоевание. Мартов⁵⁴ в своей речи правильно назвал этот мир первым разделом России, причем мир принят без определения даже границ с Финляндией, Польшей, Литвой и Украиной. Словом, готовы на все, лишь бы остаться у власти. Сегодня во время прогулки Торопов рассказывал, какую грустную роль играл при Николае II Танеев⁵⁵, а Воейков⁵⁶ был просто мошенник, обдываявший казну, пользуясь своим положением.

У Оболенева был сегодня защитник вр[еменный] пов[еренный] Жданов⁵⁷, бывший комиссар Зап[адного] фронта; Оболенев ему говорил относительно меня, предупредив, что я гонорара платить не могу, а равно и внести залога. По-видимому, Жданов берется оказать содействие скорейшему рассмотрению дела и разрешению свиданий, намерен повидать жену и выхлопотать себе свидание со мной.

Сегодня получил письмо Нади от 26[-го], тогда как 1⁻²⁰ получил от 28[-го]. В этом письме она сообщает, что собирается выхлопотать Ф.В.Ш. свидание и хотел быть у нее, но в письме от 28[-го] она о нем не упоминала. Кроме того, видимо, сама теряет надежду добиться чего-нибудь и начинает обдумывать, как бы устроиться с залогом, написал ей сегодня 9[-е] письмо с требованием совсем и не думать о залоге. Кроме того написал, чтобы справилась, нельзя [ли] устроить пересылку серебра из Иркутского банка деньгами⁵⁸. Получил также очень сердечное письмо от Нади изг[ашиной]⁵⁹, но посланное тоже раньше полученного 1⁻²⁰.

4 / 17 марта, воскресенье

Утром ходили к обедне, это составляет единственное здесь удовольствие и дает нравственное удовлетворение, после обедни староста принес мне и Жилинскому просвирки, что меня глубоко тронуло. Говорил со священником относительно говенья, оказывается, возможно только со среды и причащаться в субботу. Жаль, что не буду на службе в понедельник и вторник, я так люблю молитву Ефрема Сирина.

В газетах ничего радостного, все то же: пережевывания условий мира, мечты с импровизированной армией вести войну с немцами. В правящих группах раскол, левые эсеры выходят из Центрального Комитета⁶⁰ и из состава комиссаров, в том числе комиссар юстиции Штейнберг⁶¹. Расстрелы продолжаются, в тюрь-

ме ходят слухи, что приезжавшие матросы собирались ворваться в тюрьму и перепугать всех политических. Что же, это весьма возможно. Как Ленин с компанией не видят, что, пока злоба царит повсюду, созидания не может быть, оно начнется, когда люди проникнутся любовью и стремлением к труду. Во всяком случае, пора окончить натравливание и прекратить грабежи и самосуды.

Понедельник, 5 / 18 мар[та]

Сегодня получил письмо от Нади от 3[-го] числа, пишет, что 2[-го] числа послала подробное описание всех своих неудач, письма этого я не получил, как и первого о неудачах 19[-го] числа, думаю, что и не получу, верно, задерживают такое письмо при прочтении. Ужасно обидно, узнал бы, по крайней мере, чем объясняют отказы; не знаю также, получила ли Надя денежные бумаги и какие именно. Очень боюсь, что они могли пропасть и восстановить будет трудно. Ужасный дурак был, что не припрятал эти денежные бумаги подальше, обыск, в сущности, был поверхностный, хотели лишь арестовать меня. Газет не было, новостей никаких. Доктор прописал мазь для втирания в бок.

Вторник, 6 / 19 м[арта]. Среда 7 / 20

Вчера получил от Нади запоздавшее ее письмо от 2²⁰ и письмо от 4[-го] с припиской Веруни, а также письмо от Игнаши, ответил всем трем и писал так долго и много, что времени на дневник и воспоминания не осталось. Надя описывает свое последнее хождение по мытарствам 1²⁰ числа. Опять просидела с 1 часу до 3 и в заключение опять получила ответ — с делом не успел Аросьев ознакомиться и свидание разрешить не может. Все это, конечно, вранье. Дело все ничего не стоит, заключение и бумаги можно прочитать в полчаса, мое прошение, несомненно, прочитано: Надя видела его на столе, а из него видно, что на беспрепятственный проезд я имею разрешение, следовательно, ничего подозрительного не представляю, причина приезда в Москву тоже высказана, и очевидно она должна почитаться уважительной. Очевидно, суть не в том — им просто нежелательно меня выпускать, а так как они понимают, что основания нет, то и ссылаются, что с делом не ознакомились. Бедная Надя, как тяжело ей испытывать на себе на старости лет такое хамское отношение. За всю жизнь ни в одной канцелярии не бывала, да и, конечно, ничего подобного не испытали бы. Хорошо еще, что на этот раз ей выдали все денежные бумаги, очевидно, что хоть в этом отношении мое прошение подействовало. Я этому ужасно рад, теперь могу быть хоть спокоен, что эти бумаги на затеряются. Оставили всю переписку по поводу отставки, для чего она им, не понимаю, оставили также указ об отставке и квитанции Ступина — очевидно, хотят осмотреть сундуки, ничего там нет и не могло быть, но подбросить могут. Просил потребовать от Ступина, чтобы в случае осмотра потребовал присутствия Нади или Сергея Ивановича⁶². Надя пишет, что Вера наотрез отказалась уехать в Смоленск, и Веруня приводит и мотивы. Надя довольна, находя, что и в моральном отношении для Веруни лучше вместе с ними делить горе. Вполне с этим согласен и рад за Надю, ей все-таки легче с Веруней, чем совсем одной, и кроме того занятия все-таки отвлекают мозги.

Игнаша пишет, что более чем вероятно, что он получит место инспектора народных школ в Смоленском уезде — жалование 120 р[ублей] и кроме того суточные при разъездах. Дай-то Бог, тогда они встанут на ноги, получая в общем около 500 в месяц, прожить можно. Прибывший из Минска офицер рассказывал Игнаше, что в Минске немцы привели дороги и станции в чистоту и порядок, а затем усиленно стали увозить захваченное имущество и продовольствие, реквизируют самым беспощадным образом, не обращая внимания, что жители будут голодать. Обращение надменно-презрительно-вежливое — предоставляют выезжать куда угодно и на запад, и на восток. Сегодня в газетах помещено пастырское обращение патриарха Тихона⁶³ по поводу мира, написанное чудным языком, смело, с достоинством и серьезностью. Указывает, что церковь всегда молится о мире, но заключенный мир не тот мир, он не внесет успокоение, мир и любовь, напротив, послужит основанием для злобы, отчаяния и новых войн, и считает, что верующие не могут признать этого мира. Троицкий взывает к основанию новой армии с железной дисциплиной, во главе предполагает поставить генералов, ибо без них обойтись не считает возможным, намечает Куропаткина⁶⁴, Верховского⁶⁵, Бонч-Бруевича⁶⁶ и Лечицкого⁶⁷. Сомневаюсь, чтобы тем удалось бы сформировать такую армию, а если бы это и удалось, то это будет выполнено тогда, когда от России ничего не останется, ведь немцы идут уже на Харьков и Екатеринослав и, судя по газетам, затем на Царицын и Ростов. Итак, Россия без морей, без каменного угля, без хлеба и без нефти. Промышленность подорвана и торговля убита условиями мира, установившего, что даже на сырой лес не может быть установлено ни пошлины, ни запрета. Газеты наполнены подробными статьями, указывающими, какая петля на шее России. Вильгельм⁶⁸ предложил заключить мир с Францией и Англией без аннексий и контрибуций, с восстановлением Бельгии, с отказом от Эльзаса и Лотарингии — за счет все России. Какой ответ дадут союзники.

Сегодня получил письмо Нади от 5[-го] числа — содержание его главное — содержание письма Игнаши. Мы с ней обменялись. Я ей вчера написал почти то же. Сегодня начал говорить, к сожалению, говенье пошло плохо. Сегодня был в бане — в раздевальной довольно грязно, но сама баня вполне удовлетворительна, и т[ак] к[ак] я не мылся около 6 недель, то вымылся с наслаждением. Вчера мною послано Наде 11[-е] письмо и Игнаше 3^е.

Понедельник 12 / 25 [марта]

Прилив выбил меня из привычной колеи, и я не записывал своих впечатлений в течение 4 дней. В четверг утром пошли в церковь, по возвращении мне сообщили, что я, мой сожитель и Квитницкий⁶⁹ с братом и сожителем вызываемся для допроса к Аросьеву в штаб. Я сейчас же переоделся в штатское, но с вызовом не торопились, принесли обед и кипяток, прошло еще три часа, пошли на прогулку. Нервы взвинчивались, хотелось поскорее отправляться, тем более что мы не знали, как нас отправят, пешком или на автомобиле, а возвращаться поздно ночью было опасно, тем более что почти ежедневно конвойные расстреливали арестованных под предлогом будто бы их бегства. Уходя на прогулку, я решил, что сообщение

«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». ПослеревOLUTIONционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. Андрей Ганин. Ирена Эверт

о вызове было ошибочно и что в этот день мы не пойдём. Но во время прогулки меня потребовали и притом одного, что меня очень смутило, т[ак] к[ак] в компании было и безопаснее и веселее. Оказалось, что замедление в отправке произошло оттого, что нач[альник] к[оманды] тюрьмы заявил, что с очередным конвоем меня не отпустит, и потребовал легковой автомобиль и надежный конвой, который вполне бы обеспечивал мою безопасность. Когда я пришел в контору, он отвел меня в сторону и сказал, чтобы я не беспокоился, что конвой такой, за который он ручается. Действительно, конвоировали прекрасные два солдата старой выправки, а во главе был сам начальник команды капитан; как оказалось, он был под моим начальством в Иркутске и, узнав, что необходимо доставить меня, заявил, что он берет это на себя. Подан был прекрасный автомобиль, а рядом с шофером сидели дамы, видимо, с целью придать вид прогулки нашему проезду. Путь предстоял очень длинный, через всю Москву, и я, просидев три недели, ехал с удовольствием. В штабе округа на Пречистенке провели нас в помещение окружного совета, где когда-то производились военные игры, Аросьев же заседал там, где когда-то сидел Плеве⁷⁰ со своими помощниками и старшими посредниками. Попад в помещение⁷¹, в комнате, в которой я должен был ожидать допрос, стояли три стола с 3 стульями, около которых вертелись 3 каких-то молодых человека, но не занимались, а болтали друг с другом или болтались по комнате, покуривая большие сигары, видимо реквизированные. Я уселся на деревянную скамейку, поставленную у двери в комнату. По всей вероятности, на ней часами просиживала и Надя, добиваясь свидания. Ожидать мне пришлось около 3/4 часа. Аросьев среднего роста, полный, с короткой бородой и умным лицом. Пригласив сесть к столу, он приказал никого не впускать и не входить. Тем не менее беспрестанно входили с разного рода вопросами, и не только адъютант, но и восточный человеки, видимо начальники команд, производящих обыски, или высылаемые для ликвидации анархических набегов. Кроме того, беспрестанно звонили в телефон, что до крайности мешало допросу. Составив заголовок протокола, Аросьев предложил мне написать ответ на предложенные им вопросы и мои показания, но я отказался под предлогом дурного почерка, и он стал записывать мои показания сам. Моего прошения, по его словам, он не получал, и поэтому я, прежде всего, повторил его содержание, заявив, что со времени своей отставки, с подорванным здоровьем, оскорбленный грубым отношением представителей Врем[енного] правительства, я дал себе слово совершенно отказаться от политической деятельности, ни к какой политической партии я не принадлежу, ни с кем из видных политических деятелей я не знаком и не переписываюсь и в течение минувшего года жил только в своей семье, что ввиду приближения немцев, возможности захвата ими Смоленска считал для себя как бывшего главнокомандующего, все свои силы отдававшего на борьбу с немцами, унижительным попасть под их влияние и выносить их высокомерную, но несомненно презрительную деликатность, я решил переехать с женой и дочерью в Москву и получил в штабе Западного фронта, только что сформированного из штаба Минского округа, удостоверение на беспрепятственный проезд от 10 / 23 февраля за № 2428. 11 / 24 февраля выехали вместе с женой и дочерью на Сухиничи, т[ак] к[ак] на Александровской ж[елезной] д[ороге] сесть не было возможности. 13[-

20] числа в 1 час приехал в Москву, остановился у племянницы и в 2 часа ночи с 14[-20] на 15[-е] был арестован. Какие причины ареста, для меня совершенно непонятно. После этого Аросьев предъявил ряд вопросов:

Воп[рос]: Когда я заявил милиции свой вид?

Отв[ет]: Я его не заявлял, т[ак] к[ак] был на другой день арестован.

В[опрос]: Почему же Ваш вид не заявили, а вид супруги заявили?

От[вет]: Я не заявлял и вида жены, в доказательство чего могу привести то, что когда производивший обыск перебирал мои бумаги, я просил его выдать паспорт жены и передать ей, так как он милиции не был предъявлен.

В[опрос]: Почему же он был в милиции отмечен?

От[вет]: Он был отмечен, вероятно, на другой день после ареста. Во всяком случае я своего приезда и фамилии не скрывал. Доказательством служит, что, когда по приезде вошел в переднюю, в передней находились племянница и какой-то господин, оказавшийся председателем домового комитета. Племянница нас познакомила и просила поскорее устроить с выдачей карточек на хлеб и сахар.

Если бы скрывал, то не стал бы брать удостоверение на проезд, т[ак] к[ак] из Смоленска могли бы сообщить о моем выезде в Москву.

А почему Вы знаете, что мы не получили такой телеграммы, сказал А[росьев].

Потому, ответил я, что если бы я был подозрителен, то скорее бы меня арестовали и препроводили в Москву под конвоем, чем предоставили бы ехать свободно.

Воп[рос]: Не помню ли я, каков на вид этот господин?

От[вет]: Среднего роста, с лысиной, маленькой бородкой, блондин. Хорошо, впрочем, не рассмотрел, т[ак] к[ак] в передней было темно.

Воп[рос]: В пенсне?

От[вет]: Да.

Эти вопросы до очевидности доказывали, что этот господин Аросьеву знаком и что он-то и донес о моем прибытии с ложью об укрывательстве фамилии. Это и подтвердилось тем, что установлено, что 14[-20] числа он был у Аросьева, а с Соней был во враждебных отношениях, в последующие дни он оказался мелким жуликом, обокравшим домовый комитет рублей на 500.

Воп[рос]: Знакомы ли Вы с Брусиловым⁷² и его женой⁷³?

От[вет]: Брусилова знаю, во время войны встречались 3 раза на совещаниях в Ставке, с женой не знаком.

В[опрос]: Были ли у него по приезде в Москву?

От[вет]: Нет, для этого я с ним недостаточно знаком и недостаточно симпатизирую.

Воп[рос]: Знал ли я Каледина⁷⁴, Корнилова⁷⁵, Ренненкампфа⁷⁶, Грузинова⁷⁷ и Рябцева⁷⁸.

От[вет]: Каледина знал в молодых чинах, во время войны и после не встречались, Корнилова видел раз, когда он представлялся мне по случаю назначения командиром 25[-20] корпуса после бегства из плена⁷⁹. Ренненкампфа знаю, был с ним одновременно в академии⁸⁰ и последний раз видел в 1914 году в январе. Где

он теперь, не знаю. О Грузинове читал в газетах, лично не знаю, о Рябцеве не имею никакого понятия.

Воп[рос]: А Верховского?

От[вет]: Тоже совершенно не знаю.

Забыл упомянуть, что в начале допроса, когда я заявил, что для меня совершенно не понятна причина ареста, Аросьев ответил, что еще в начале революции было предъявлено ко мне обвинение, что я готовился открыть фронт для немцев. На что я ответил, что это обвинение совершенно вздорное, так же как и слух, пущенный газетами, что я шел с 40 000 корпусом на Москву. Что оба эти слуха тогда же официально были опровергнуты. Напротив того, все мои заботы были к сохранению фронта и армии для отпора врагу, только с этой целью сохранения армии, ввиду возможности, что волнения в Петрограде отразятся на армии и могут ее ослабить, я счел себя вынужденным просить телеграммой государя об отречении, и если открывался фронт для немцев, то это не я, и он был открыт в последнее полугодие. Наконец, если бы я был виновен в чем-либо подобном, то новое правительство не замедлило бы привлечь меня к ответственности. На это Аросьев ответил, что мы и обвиняем ныне то правительство за то, что они не повесили Николая II и многих виновных генералов. Когда после вышеприведенного допроса, который он записывал дословно, я попросил внести и это мое показание в опровержение предъявленного мне обвинения, Аросьев ответил, что, собственно говоря, это их ныне не интересует, а интересует только переживаемое время.

После проведенного допроса он стал просматривать мои арестованные бумаги, прочитал письмо Алексеева, предупреждавшее, что Гучков ко мне относится дурно, а также письмо мое к Алексееву по поводу отставки и письмо мое Гучкову по поводу его ухода с должности военного министра. Аросьев сказал, что, видимо, военные начальники не особенно были расположены к Гучкову, и спросил, какое личное мое мнение о нем. Я ответил — пустой фразер, а о Керенском — еще того хуже. После просмотра бумаг Аросьев заявил мне, что меня обвиняют в том, что после разгрома Дона я в числе других замыслили во всех главных городах сформировать кадры для подъема одновременного восстания против советской власти и что с этой целью я прибыл в Москву. На это я ответил, что положение дел на Дону я знаю только по газетным сведениям, что касается о сформировании таких кадров, то об этом в первый раз я слышу от него. Тогда Аросьев, записав это, встал, сказал, что в таком случае ясно, что я арестован ошибочно, и предложил подписать протокол допроса и взять оставшиеся, за выдачей жене, бумаги по описи. На мой вопрос, долго ли еще он меня будет держать в заточении, он ответил, что самое большее, что через 2 дня я буду освобожден. На мое заявление, почему же, если он теперь убедился, что я арестован ошибочно, он не отпустит теперь же, что находится в тюрьме все-таки не особенно привлекательно, кроме того меня очень беспокоит состояние жены, которая была оставлена немедленно по прибытии в Москву и крайне волнуется за меня. Аросьев ответил, что сам он был в той же тюрьме, отлично знает состояние заключенного, но что необходимо соблюсти известные формальности и что он постарается освободить завтра.

На этом мы расстались, и я, забрав свои бумаги со своими конвертами, снова уселся в автомобиль. Конвоиры уже знали, что я буду освобожден, и мы всю дорогу проболтали, повезли меня кружной дорогой, так что мы отлично прокатились. Вероятно, повезли меня по другой дороге из осторожности. В 6 часов я возвратился в свою камеру и уселся обедать. Пока я кончал обед и не успел еще выпить чай, как отворилась камера и объявили, что я свободен. Почему оказалось, что все формальности отпали и меня освободили даже по телефону, а ранее находили невозможным освободить, дав конвоиру письменное в тюрьму объявление об освобождении, для меня совершенно не понятно. Хотя уже темнело, я все-таки решил немедленно отправиться, надзиратель и уборщики помогли собирать все вещи. Крайне сердечно попрощались мы с сожителем, я его благословил, обнял и поцеловал, он так был тронут, что расплакался как ребенок и стал целовать мне руки; попрощался с Жилинским, Астафьевым, Оболешевым и Квитницким, ото всего сердца поблагодарил все тюремное начальство за их внимание и заботливость и в 7 часов уселся на извозчика. Дорога была дальняя и отвратительная, и только в 4 1/4 я добрался до дому. С.И. моего голоса не ждал. Надя и Веруня сидели в своей комнате. Нечего и говорить о радости свидания. Надя только накануне добилась разрешения на одно свидание и предполагала на следующий день отправиться в тюрьму. Саня, когда вернулась домой и увидела меня, то совершенно невольно стала протирать глаза, думая, что галлюцинирует. Прочитал письма Ан[ны] Дм[итриевны] и Кати, полные сердечности и забот обо мне. Проболтали до первого часа. На следующий же день напечатано было в «Рус[ских] ведомостях» о моем освобождении. Почему только в «Рус[ских] вед[омостях]» и только в них, для меня непонятно. По слухам, хлопотал о разрешении свидания отец Феодор Розмаинский⁸¹ через Бонч-Бруевича, и разрешение было дано, но он уже не застал меня, а также обо мне хлопотал будто бы и В.В. Вырубов, но не лично, а через присяжн[ого] поверен[ного] Ильинского⁸².

9 числа мы с утра пошли к Иверской... отслужили молебен, и поставил свечу от себя и сожителя Андрея Степановича Рябова. Ожидал вызванного по телефону его отца, но он, оказалось, уехал за мукой до понедельника.

Утром написал письмо в Смоленск. Вечером получил письмо от Вали с приложением письма от Васильева из Иркутска — Л.И. сообщил, что банк сгорел, уцелели одни кладовые, в которых были наши ценности, но навести какую-либо справку без документов невозможно, т[ак] к[ак] все дела и бумаги сгорели. К удивлению, и все наши вещи до 31[-го] числа января были целы, но в доме командующего войсками поселились большевики, и быть уверенным, что они не реквизируют, невозможно, сам же Васильев собирается уезжать в Петроград и потому советует приехать лично. Ехать теперь же совершенно невозможно, поэтому послал телеграмму и письмо с просьбой мебель продать, а равно и сани, все остальное и особенно ящики с бронзой, картинами, коврами, одеждой, хрусталем и семейными группами, сдать в склад, застраховав в⁸³ или попросить услужить⁸⁴. Во всяком случае то, что вещи сохранились и серебро уцелело, это просто чудо по Божьему к нам милосердию. Совпадение письма с освобождением указывает, что как будто в нашей жизни начался прилив. У Вали же, наоборот, отлив, с местом

В.В. расстался, т[ак] к[ак] учреждение ликвидировано, следовательно, жалованья и дешевых обедов лишились, попечительство прежде потребовало, чтобы квартиру приняли они на себя, иначе очистили бы, т[ак] к[ак] контракт с Грищенковым [?] считается прекращенным. В результате они, вероятно, лишатся мебели. Уроки у Вали не ладятся, ученицы начали манкировать, чего прежде не делали, следовательно, лишат еще 120 р[уб.]. Наконец, пожар Иркутского банка грозит серьезными осложнениями, т[ак] к[ак] документов и вкладов у Жилинских нет. Еще в 1914 г. В.В. послал сохранные расписки в банк, с тем чтобы все деньги были переведены на имя Вали, до тех пор они ответ из банка не имели и сохранных расписок на имя Вали не получили и по беспечности не позаботились настоять на присылке. Послал письмо Вале с советом В.В. поехать теперь же в Иркутск и на месте добиться возобновления бумаг. Если они сохранились в кладовой, то они должны лежать в особой пачке с подписью кредитора, без документов отыскать их трудно, но при личном настойчивом ходатайстве возможно, иначе придется наводить справки через Г[осударственный] Б[анк], куда посылаются списки кредиторов, но это будет хлопотно и продолжительно. Вечером с Надей и Верой ходили ко всеобщей к Василию Кесарийскому. Церковь богатая, большая, служат хорошо, поют также, народа много.

Воскресенье 11 / 24 март[а]

Утром зашел в ту же церковь к обедне, пели еще лучше. Один из сборщиков пожертвований в пользу приходских школ увидел меня; подойдя ко мне, он сообщил, что меня знает, и на вопрос мой, где и когда мы встречались, ответил: в штабе Варшавск[ого] округа, когда я в нем служил⁸⁵, а он был литографом, это двадцать лет назад, с тех пор я совсем стал стариком, но моя наружность, видимо, не принадлежит к числу заурадных и обращает на себя внимание. Был Янушевск[ий]⁸⁶ с женой. Жена, видимо, простая, добрая женщина. Гр[изорий] Еф[имович] сильно постарел, пенсии не получает и хлопочет устроиться на службе у одного купца, кроме того состоит ревизором в офицерском экономич[еском] обществе, получает 10 р[уб.]. в сутки и обед. После обеда ходили с Надей и Варей к Аде. Славная у нее квартирка и прекрасные мальчики, такие веселые и добродушные, хорошие неиспорченные дети. Жилинск[ого] и Астафьева выпустили на поруки Г.Н. Трубецкого⁸⁷, от души за них порадовался. Что-то поделявает Рябов, от всего сердца желаю ему освободиться, иначе он зачахнет от тоски, я его очень подбадривал своим спокойствием и верой в Божье милосердие.

29 март[а] / 11 апреля

Больше двух недель ничего не писал, да и не читал. Жизнь идет бестолково, и я как выбитый из колеи, по вечерам нельзя было писать, потому что электричество было испорчено, а днем или я где-либо отсутствовал, или Надя с Верой занимались в моей комнате, т[ак] к[ак] у них очень холодно и неудобно. За это время пробовал искать себе место, ибо последние сбережения тают, расходы большие; на пенсию надежда совсем исчезает, нет надежды воспользоваться процентными бумагами, находящимися в банке, а процентов выдали и мне и Наде всего

28 руб. С целью закинуть удочку относительно места виделся с Ф.В. Шмитт, Шуваевым⁸⁸, Вырубовым. Шмитт отнесся очень сердечно, обещал сделать все от него зависящее. Дней через десять он заходил и сказал, что пока ничего не видно, советовал повидаться с Кривошеиным⁸⁹. У Ф.В. видел его отца Владимира Карловича⁹⁰, что за крепкий старик, он лет на 25 старше меня, а выглядит почти ровесником. Накануне дня, когда я был у них, у стариков произвели захват квартиры 12 чел[овек] анархистов, а их перевели в подвальный этаж, но вскоре пришли представители советской власти в числе 17 чел[овек], выгнали анархистов, причем стреляли, а затем потребовали 1700 р[уб.], по 100 р[уб.] на брата.

Выр[убов] на вопрос мой по телефону, когда могу его застать, ответил, что сам придет, и действительно был, обещал поговорить со Второвым⁹¹ и знакомыми, посоветовал повидаться с Крив[ошеиным] и обещал сообщить его адрес по телефону. Через неделю я был у Выр[убова] в час, когда он сказал, что дома, т[о] е[сть] 10 утра, оказалось, что дома, но спит, через полчаса я опять зашел, опять спит, тогда я остался его подождать, оказалось, что ни с кем он не говорил и даже адрес Кр[ивошеина] не узнавал, был очень сконфужен, извинялся, но ясно, что надежды на него никакой. Шуваев прямо сказал, что рассчитывать на что-либо невозможно, промышленность еле дышит, промышленники потеряли власть, почву под собой, да и деньги, кроме того сильно мешает мое генеральство и известность фамилии. Ему удалось пристроиться только потому, что сделал он это год тому назад; думаю, что помогли связи и по интендантству. Остается повидаться с Кр[ивошеиным], написал ему письмо с просьбой назначить время, но пока ответа еще не получил, хоть прошло 2 дня. Все они скрываются, т[о] е[сть] стараются всеми силами не обращать на себя внимание, словом, партия «И.И.» (испуганные интеллигенты), и потому надежды на них питать нельзя. Наиболее открыто и искренно действует это Ф.В. Ш[митт], на него и надежды больше. Мрачно впереди и туманно в настоящее время. Пока Сане здесь еще жить можно, в общем обходится не дороже, чем в Смоленске, но в мае она переезжает на дачу, оставаться здесь без погребов и запасов — значит уморить Надю, не говоря о дороговизне. К тому же придет скоро Володя и, вероятно, Борис, у которого тоже работа кончается. Дешевле всего, вероятно, Никольское, где Толя предлагает поместиться безвозмездно, но вопрос с продовольствием трудно разрешим — взвалить на Надю кроме нас и Колю со Стасей немислимо, Коля едва ли вернется, кроме того общество Стаси слишком тяжело. О поездке в Иркутск нечего и думать; ввиду высадки японцев во Владивостоке теперь ждут оккупацию ими Сибири до Байкала и даже до Урала, ходят слухи об отделении Сибири и образовании отдельного правительства. При таких условиях мою поездку объяснили бы, что еду с последнюю целью, и еще по пути бы арестовали. Кроме того, нет полной уверенности, что вещи еще сохранились, что мне их выдадут, а если и выдали, то продать можно только мебель, а остальное привезти сюда пока невозможно, да и куда? Также вопрос невыясненный, пока не определится, где же буду жить. На серебро и драгоценности на этих днях назначен налог 40–60%, и внести их буду не в силах, тем более что оценку производят произвольно, людьми, мало знающими и руководящимися тем, чьи вещи оцениваются. В здешней ссудной кассе одна

дама хотела взять свои вещи и внесла 19 000, сумму, в которую были оценены, а оценщик определил стоимость 100 000 и потребовал 40 000 налогу; пришлось ей оставить вещи, причем ей не возвратили и 19 000 ею внесенных. Остается, следовательно, Смоленск, куда и тронемся, если места не отыщу. Если пенсию еще будут выдавать, то это будет еще удовлетворительным разрешением вопроса, а если нет, то не знаю, что и делать, места там не найду.

А цены на все неприступны. До сих пор ношу зимнее пальто Изнаши, на лето необходимо было шить пальто. Адя снабдила меня письмом Панова в его магазин о продаже со скидкой 10%. Управляющий магазином приказал приказчику показать товар — тот показал кусок очень хорошего драпа, но он стоил 144 р[уб]. аршин, на мое заявление, что хотел бы купить за 50–60, приказчик ответил, что такой цены теперь нет, показанное им за 70 было немного лучше солдатского, а в 80–90 очень слабое по качеству. Когда я стоял в раздумье, пришел управляющий и предложил подождать, он покажет из оставшихся кусков по прежней оценке, и действительно принес 2 куска очень хорошего материала по оценке 22 р[уб]. 55 [коп.], так что со скидкой весь материал на пальто с бархатным воротником обошелся мне 86 р[уб]. 50 [коп.], но зато подкладка обошлась 148 р[уб]., да портному 150 р[уб]., так что пальто благодаря благодетельному письму обошлось 385 р[уб]., тогда как готовое очень короткое из драпа хуже, у Жака 655–755, а самое плохое у второстепенных портных — 408 р[уб]., и то только одно и нашел. За шляпу пришлось заплатить 60 р[уб]., обошли несколько магазинов, везде одни цены, причем у Лемерсье лучше материал и фасон. За кашне шелковое вязаное просили 45 р[уб]., а из шелковой материи — 55 р[уб]. Словом, все неприступны. Штиблеты стоят 150 р[уб]. — буду ходить в больших сапогах, пока они еще крепки.

Были у Деккер поблагодарить за их любезность — они несколько раз справлялись обо мне. Оба очень мне понравились.

За это время на западном фронте идут серьезные бои; немцы, собрав все с нашего фронта, ведут решительное наступление, имея целью разорвать фронт в стыке французов и англичан — если это им удастся, то англичане будут прижаты к морю. В нашем фронте они, помогая Украине и Финляндии, тоже продвигаются и заняли Екатеринослав, Полтаву и Харьков, и высадили 40 000 в Финляндии, заняв уже Або. Наш флот в Гельсингфорсе по их требованию разоружается. Этой операции способствовал наш ледокол «Волынец». Сарыкамыш и Ардаган заняты турками, причем ими захвачены громадные склады и материальное имущество артиллерийское. Славно, народные миллиарды отдаются или продаются, а на серебро в банках накладывается налог, и соберут как-нибудь 100–200 тысяч. Будущее России все хуже и хуже.

2 / 15 апр[еля]

Вчера был у Кривошеина. Поговорили, конечно, что было год тому назад и какова Россия ныне. Относительно места он категорически заявил, что надеяться на что-либо в настоящее время невозможно, что и он сам в непродолжительном времени останется без места. Морозовские фабрики в Орехово-Зуево, приносившие еще в 1916 году 8 мил[лионов] дохода, в 1917 году свели доход к нулю, а в настоящем

году предвидится убыток в 35 м[иллионов], приходится дело остановить. В таком же положении и другие, при этом рабочие волнуются и требуют прибавки заработной платы ввиду вздорожания жизни. Штаты и ныне везде сокращаются, и дела останавливаются. В общем, настроение его пессимистическое. Расспрашивал о тюремном режиме ввиду возможности попасть туда.

После Кривошеина сходил к Римскому-Корсакову⁹², бывшему директору кадетского корпуса. Принял меня крайне сердечно и радушно, почувствовал себя в семье старого уклада, с удовольствием просидел более часу. Если останемся в Москве, буду поддерживать это знакомство. Обещал для Ади заручиться письмом для поступления в Центрошкол, хотя и предупредил, что это управление, где служит и его сын, долго не продержится, ибо по подбору служащих его страшит контрреволюционностью. То же самое, вероятно, и то управление по коже, в которое Надя надеялась меня пристроить, и в нем состав преимущественно офицеров в старших чинах. В субботу Катя ходила за справкой, ей ответили, что почти уверены, что вопрос о моем определении разрешится удовлетворительно, хлопочет об определении на место в банк с крупным окладом рублей на 800, и что окончательный ответ дадут во вторник 3 / IV, т[о] е[сть] завтра. Итак, завтра разрешится вопрос, останемся ли мы здесь или переедем в Смоленск.

Разум говорит, что следует взять место хотя бы с окладом в 650 р[уб]., все-таки поддержка. Если бы была полная уверенность, что пенсия будет сохранена в полном размере, то я бы предпочел вернуться в Смоленск или поселиться в каком-либо дешевом городишке, чем на старости лет приниматься за незнакомое дело и подчиняться мальчишкам. Но сохранение пенсии под вопросом, без нее не на что жить, и, следовательно, волей-неволей надо к чему-нибудь пристраиваться.

Сейчас был Гутор⁹³, говорил, что наверно⁹⁴ знает, что Н.И. Иванов⁹⁵ жив. Сам Гутор живет здесь и, по-видимому, имеет средства для жизни без службы, пенсии паки не получает.

От детей давно писем не получал.

За последнее время немцы все одерживают успехи. Англичане вытесняются и, по слухам, уже вместе с бельгийцами садятся на суда, обсуждается вопрос возможности высадки немцев на территорию Англии. Это, конечно, более чем трудно выполнимо, если только английская армия окончательно не разложится. Во всяком случае, если англичане вытеснены, французы не в состоянии вести войну самостоятельно, и, следовательно, мир приближается, вероятно, за счет России, и немцы властители мира.

Продолжение дневника Алеши за последние его дни пребывания в Можайской тюрьме⁹⁶

Воскресенье, 14 окт[ября] / 1 ноябр[я]

Вчера совершенно неожиданно приехала Надя и получил разрешение на свидание. Когда я увидел ее, я не мог удержаться слез, так она похудела, такой у нее утомленный вид. Немудрено, она целую неделю провела в Москве, снова хлопотала за меня и за Бориса, как бы его устроить, и, конечно, измучилась и физиче-

«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». После революционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.
 Андрей Ганин. Ирена Эверт

ски, и нравственно. В четверг приезжала Вера, чтобы передать от имени Т.⁹⁷ подождать хлопотать в Москве до субботы, надеясь к тому времени что-то выяснит. Хотя Вера и вздумала пройти пешком до Дорохова и половину прошла, остальную половину ее подвезли за 10 руб., но все эти разъезды и прожитые в Москве и на 2 дома страшных требуют расходов, последние крохи тают, и на что будем жить потом — один Господь знает, и притом все ведь напрасно. Трифонов⁹⁸ говорит, что замешались личные отношения между Вереею и Можайском — паны дерутся, а у холопов чубы болят. Надя хочет хлопотать о переводе в Москву; сговорились подождать годовщины революции, может быть, всех освободят, если же нет, то тогда хлопотать о переводе в московскую тюрьму. Скверно, что, если все это благополучно и удастся и меня освободят, наверное, потребуют подписки о невыезде из Москвы, а т[ак] к[ак] там совершенный голод и жить там всем вместе совершенно невозможно, то придется жить врозь с Надей, а это все равно, что настоящее положение. Главное, к чему стремлюсь всею душой, — это пожить в тиши, вместе с Надей и отдохнуть душой. Борис на днях получил бумаги и поедет к Володе. Его положение тоже тяжелое, денег нет, нет и одежды, купить ему все необходимое мы не можем, через силу решили дать рублей 200 на дорогу, но сам он виноват — нельзя же относиться так легкомысленно, жить только настоящим днем, проживать и даже торопиться прожить полученные деньги, а затем не иметь ни копейки. Нельзя же до сих пор думать, что родители дадут. Это и при обыкновенной обстановке нечестно, а тем более теперь — ведь ему же известно, что мы не имеем средств совершенно. Неужели думает, что мы скрываем, или рассчитывает, что продадим последнюю рубашку. Бог с ним, нет у него заботливости об отце и матери, душою он не с нами. Как бы то ни было, жаль его от всего сердца, всей бы душой хотелось бы ему помочь. Больше же всего сердце болит за Надю; неужели Господь не смилостивится и не даст мне возможности пожить с ней и дать ей хоть маленький отдых, у меня только и надежды на Его милосердие. Теперь не увижу Надю еще две недели. К нам в камеру привели садовника имения Уварова, Федора Сысоева, по подозрению в сношениях с бывшим владельцем. На можайских жителей наложена контрибуция в 2 миллиона. Нам сообщают, что по деревням наложили на средних и зажиточных крестьян от 1 до 5 тысяч руб., за малейшую провинность штрафуют на 1000 р[уб]., так, на одну бабу наложили 1000 р[уб]. за то, что она дала лошади в корм хлебных отрубей. В газетах помещены нота Вильсона⁹⁹ и Чичерина¹⁰⁰ и согласие Вильсона передать союзникам предложение Германии перемирия. Андрэ хлеба не приносят, вероятно, придется довольствоваться лишь казенным. Надя говорила, что Дмит[рий] Гавр[илович] Зыбин¹⁰¹ опасно болен воспалением легких, от всего сердца его жаль, едва ли он перенесет, уж очень он ослабел под влиянием нервных побуждений, а какой хороший и добрый человек!

Понедельник 15 / 28 окт[ября]

Одинцов на прогулке сообщил, что Д.Г. скончался¹⁰². Царство ему небесное, он его вполне заслужил безграничной своей добротой, готовностью прийти на помощь страждущему. Ольгу Мих[айловну] безгранично жаль. Дм[итрий]

Гавр[илович] всю жизнь работал, не покладая рук, что обеспечивало безбедную жизнь жене и малолетнему сыну. Теперь, перед смертью, у него все отобрали, и жена остается нищей, даже, пожалуй, теперь из последнего дома их выселят; как и на что она будет жить? Одинцов же восторгался поступком Веры, решившей в видах экономии пройти до Дорохова пешком. Меня это тоже тронуло, не ожидал я этого от нее. Что же, может быть, ее жизнь научит, ведь она мать, да и меня любит, только страшно нервна, вспыльчива и неуравновешенна, во всем этом, может быть, я больше виноват. Я уже писал в письмах к Наде, как меня тронул этот Верин порыв. Перемен у нас никаких. Завтра начальник тюрьмы едет в Верею за тюремным инвентарем, как бы хорошо было поехать вместе!

Среда 17 окт[ября] / 30 окт[ября]¹⁰³

Нового ничего. Изменений в нашей камере никаких. Все питают надежду на 25 окт[ября] — 7 нояб[ря], годовщину Октябр[ьской] революции. У меня, по правде сказать, на это никакой надежды, хотя я и просил Надю отложить до этого времени хлопоты о переводе меня в Москву, но имея ввиду главным образом Надю, чтобы она хоть немного отдохнула и пожила спокойно на одном месте, да и бедную Веруню жалко, т[ак] к[ак] во время поездки Нади в Москву она сидит одна. Мой скептицизм еще более стал сегодня, когда я прочел в газете «Известия» от 29[-го] числа статью о деятельности Чрезв[ычайной] ком[иссии], в которой указывается о том, что Чрезв[ычайной] ком[иссии] Западной области удалось раскрыть организацию Южной армии, в уставе которой указывается, что во главе корпуса ставится генерал, находящийся во власти большевиков, а потому фамилия обозначена шифром. Далее высказывается, что очень желательно знать, кто этот генерал, т[ак] к[ак] известно, что на освобождение одного известного генерала украинские монархисты истратили громадные суммы¹⁰⁴.

Хотя я уже почти 2 года отошел от политики, за меня не истрачено ни одного гроша, но ведь эту действительную истину знаю я и мои близкие, все же остальные могут подозревать, что под шифром кроюсь я, тем более так могут относиться власти в виде членов Чрезвыч[айной] комиссии и Советов, относящихся ко всяким, даже к своим деятелям с величайшей подозрительностью. При этих условиях трудно рассчитывать на мое освобождение, а переводиться в Москву, в Таганскую и Бутырскую тюрьму не только не стоит, но прямо нежелательно, ибо там, конечно, буду голодать, на прогулках буду всего по полчаса и в общем в отношении содержания будет хуже, т[ак] к[ак] во время дежурства за пищей ходить в кухню раза 4 в день, да качать воду ежедневно, что дает возможность больше быть на воздухе, наконец — общее чтение газет и обмен мнений тоже много значит, вот, приняв во внимание всего этого, невольно задумаешься, стоит ли хлопотать о переводе в Москву, не лучше ли остаться здесь, по крайней мере пока заключенные со мною еще не освобождены. Погода хотя и пасмурная, но дождя нет. Газеты стали получать только на другой день днем, т[ак] что вечернее их чтение отменено. Сегодня на свидании у Русакова и Андрэ. Сер[гей] Гавр[илович] Вовруцкий, оказывается, отправляет молоко в Москву, но не по-

думал озаботиться, чтобы доставляли ему сюда, и пользуется молоком, присылаемым другими. Прав Русаков, громко высказавший свое возмущение, другое бы дело было, если бы он находился в моем положении, когда не только коров нет, но и некому озаботиться и присылкой, да я и состою на заботах Андрэ. Вообще странный субъект этот Серг[ей] Гавр[илович]: более ограниченного человека я не встречал; он буквально ничего не знает, предлагает иногда такие вопросы, которые не сделает и 15-летний юноша, ничего никогда не читает, даже газетами не интересуется, до крайности ленивый и неэнергичный; и такой-то господин был председателем Земской управы по выборам! Воображаю, как шли дела Земской управы под его председательством.

Четверг 18 / 31 окт[ября]

Сегодня ряд огорчений. Во 1^х Надя сообщила, что Борису отказано в разрешении ехать на службу к Володе, а предложено отправиться во флот. Во 2^х он поехал в Москву хлопотать, а в среду Надя решила поехать тоже, чтобы узнать, как решился окончательно вопрос Бориса, и попрощаться с ним, и так Наде не пришлось даже на этой неделе отдохнуть, да и за Бобика обидно. Относительно меня Трифионов ответил, что здесь поступили самоуправно, но он не обратится в Москву в губ[ернскую] центр[альную] ком[иссию?]¹⁰⁵, т[ак] к[ак] это имело бы характер жалобы и он не хочет обострять свои отношения с можайской комиссией. Как это напоминает столь поруганные прежние порядки: какая бы несправедливость ни делалась бы, власти ради личных отношений не вступятся за справедливость. И так, придется, значит, сидеть здесь, и, как нарочно, сегодня Андрэ заявил, что жене его так трудно доставать продукты, что он вынужден отказаться в моем довольствии, следовательно, придется переходить на казенный паек. Щи сегодня пробовал, сносные, но хлеб хотя и лучше, но все-таки плох, и его мало — меньше ½ ф[унта], кроме того, огромное подспорье составляло молоко к чаю; если хлеба, картошки и молока не раздобуду, будет плохо, придется голодать. Кроме этих огорчений, еще Надя сообщила, что место не выгорело ни ей, ни Веруне; при этих условиях и наставшей дороговизне в Верее, где вследствие назначенных малых денег на муку и картофель они с рынка совсем исчезли, молоко дошло до 5 р[уб]. крынка, оставаться теряет смысл: по-моему, следует ехать в Смоленск. Собственно Наде и Вере следовало бы теперь же поехать и поселиться там, вопрос во мне. Смоленск в его взвинченном виде, конечно, для меня рискован, ведь расстреляли же там ни в чем не повинного Дормана, но, с другой стороны, везде одно и то же, ведь за что меня держат в тюрьме, только за то, что был главнокомандующим и имя мое авторитетно, оно известно во всей России, и куда бы я ни поехал, везде подвергнусь аресту, и в этом отношении Муралов¹⁰⁶ прав; наиболее безопасно — это Москва. Верно, к этому и сведется — голодовке в Москве. Так тяжело на сердце, что часто приходит мысль, скорее бы конец; бесконечно только жаль Надю, ведь только мы друг для друга составляем в настоящее время смысл жизни; дети хотя и погорюют, но скоро утешатся. Тяжелее всего придется Веруне, но рано или поздно придется ей переносить нашу кончину и устраивать свою жизнь. А так тяжело переносить роль травленного зайца, и если переносу

это, то только в надежде, что смилостивится Господь и явится возможность последние дни жизни провести с Надей, вместе поддерживая друг друга взаимно.

Пятница 19 окт[ября] — 1 ноябр[я]

Вчера вечером обсуждался вопрос о распаде нашей коммуны. Андрэ, отказавшись довольствоваться меня, отказал в этом и обоим Вовружацким, и сам со мной и двумя Вовружацкими решили перейти на казенный паек; к нам присоединился батюшка и Мильке с [слово стерто]. Итак, коммуна распалась на буржуйную и пролетарскую. 4 в первой и 7 во второй; общим остается чай с молоком и картофель втроем. Долю молока за меня будет доставлять, он же обещал доставлять печеный картофель в пополнение к моему пайку; при этих условиях еще можно терпеть и если бы раздобыть краюху хлеба, то сносно. Ну, да как-нибудь обойдемся. Сегодня нач[альник] тюрьм[ы] сказал, что был у военного комиссара и передал, что председатель Верейск[ой] комис[сии] в разговоре с ним, в бытность его в Верее, высказал удивление, что не высылают меня, несмотря на требование; спросил, следует ли меня отправить; на это Кистяковский¹⁰⁷ будто бы ответил: «Эверта ни в каком случае не отправлять», — следовательно, никакого просвета. Погода чудная, весь день яркое солнце, утром легкий мороз. Сегодня в первый раз топили печь — легкий угар.

Суббота 20 окт[ября] / 2 ноябр[я]

Вчера исполнилось 6 недель, как я вне дома; вернусь ли я когда-нибудь и когда? На эти вопросы нет ответов, даже и предположить ничего нельзя. В камере постоянные разговоры и предположения. Вчера разнесся слух, что всех здешних, т.е. можайских, отправить в Москву для предания революционному трибуналу; оснований, собственно, никаких не имеется, но в трибунале надо 4 месяца ожидать очереди, следовательно, еще можно держать в тюрьме, как бы на законном основании. Сегодня новый слух, что обсуждался вопрос амнистии, и здесь решили применить ее частично, по списку, составленному Чрезвычайной комиссией. До меня, конечно, это касаться не может. Может быть, потому, что слишком долго сидел, и нервы портятся, но наша коммуна все больше и больше разочаровывает, особенно несимпатичен Русаков, тип грубого кулака времен Островского, способного ради наживы и куска хлеба утопить ближнего. Глядя на него, невольно делаешься солидарным с большевиками в их мнении о кулаках. Сергей Вовружинский — совершенный дегенерат. Священник — очень ограниченный человек, вечно что-то бурчит и всегда невпопад. Наиболее симпатичный — Андре, весьма развитой, с нежным добрым характером и большим тактом. Как-то зашел спор о социализме; я со вниманием слушал: Вахрушев высказал, что Христос — первый социалист, и только один Андре возразил, что социализм основан на равномерном распределении материальных благ, а Христос на материальные блага не обращал внимания. Я готов был аплодировать. Вахрушев умный, дельный, тактичный, но не симпатичный, — чудится озлобленность, хотя и тщательно скрываемая. Вовружинский-старик — образованный, умный, тип мирного, безвольного и ленивого барина, но в общем он в числе симпатичных; к ним же можно отнести и Редлиха,

человека неглупого и весьма порядочного. Часовщиков неглупый, очень подвижный, энергичный и любящий работу, с большой хитрецей — тип пройдохи-ростовщика. Мильке наиболее для меня загадочен: очень неглупый, остроумный, до крайности нервный, способный со страстью взяться за какое-нибудь дело и затем остыть, то день лежит и¹⁰⁸ с крайне подавленным духом, то очень весело поет и острит, очень он мне напоминает Бориса. Все с нетерпением ждут 25[-го] числа, которое разрешит все ожидания и надежды. Сегодня получили первую милостыню. В тюрьму для раздачи принесли каравай хлеба, поделенного пропорционально по камерам. В нашей камере решили передать его тем, которые хлеба не получают, т[о] е[сть] мне, священнику и Мильке; это первая милостыня в жизни.

Воскресенье 21 окт[ября] / 3 XI. Понедельник, 22 X / 4 XI

Вчера мне принесли сначала с полпуда картофеля и около фунта хлеба, а затем еще больше фунта хлеба, 1/16 ф[унта] чая, 6 кусков сахару, 5 яблок, 30 папирос и коробку спичек от неизвестного из числа заключенных. Позже я узнал, что это главным образом прислал Зимин, один из заключенных, содержащихся в камере Одинцова. Узнав, что я вынужден был перейти на казенный паек, он и послал мне хлеба, яблок, картофеля и сахара. Зимин — здешний торговец, на него наложили за какой-то пустяк 50 000 р[ублей] штрафа или 5 мес[яцев] тюрьмы, он предпочел последнее. Одинцов надеется устроить через него доставку мне хлеба, я просил его это сделать по ½ ф[унта] в день. Тогда я буду обеспечен, пока буду здесь, питанием. Вчера я невольно стал напевать романс «Дремлют плакучие ивы», и вспомнилось мне то время, когда Ада пела его у нас в Смоленске, на квартире у Пастухова в 1908 году, вспомнился и Иркутск, когда этот романс повторял граммофон, и вместе с тем вспоминалась Соня¹⁰⁹, как она любила все печальные романсы Паниной¹¹⁰.

Пронеслось это хорошее время, и оставило лишь воспоминания о былом, и стало счастливым по сравнению с настоящим. Боже мой, какая громадная разница с тем, что было! Нет Веселика¹¹¹, нет Сони, наиболее привязанных к семье; нет Павла, подарившего этот граммофон, не осталось ничего, что приобреталось в течение всей жизни. Я в тюрьме, все остальные разбросаны и бедствуют, Надя и Веруна одиноки, терзаются и живут в постоянной тревоге, страдая и за меня, и за всех остальных. Да, сон Вали оправдался полностью, действительно «вихрь», и когда-то он кончится, затихнет и даст возможность покойно, хотя бы и в нужде, дожить последние дни. Внешне же он все более и более расширяется, захватывая все больше и больше странств в мире. Прав был Ленин, заявивший, что революция захватит всю Европу. Я думал, что она не распространится, если своевременно окончат войну, но оказалось, что уже Вильгельм и союзники запоздали. За время моего нахождения в тюрьме политическая обстановка катастрофически изменилась: какие-нибудь три-четыре недели тому назад Болгария обратилась с просьбой о перемирии; вскоре отрекся Фердинанд¹¹² в пользу Бориса¹¹³, теперь отрекся и Борис, и в Болгарии полная революция. Затем начали ходить слухи о сепаратном мире Турции и Австрии; слухи эти, возможно, имели серьез-

ную вероятность, т[ак] к[ак] Германия обратилась к Вильсону с просьбой о мире; согласилась на все его требования, выраженные в декларации, даже на очищение не только Франции, Бельгии, но и Эльзас-Лотарингии, во главе правительства стали социал-демократы с Шейдеманом¹¹⁴, изменили конституцию, отняв у Вильгельма право объявлять войну и заключать условия мира и главнокомандование войсками. Последние дни доставлены сведения о заключении перемирия Турции и пропуска союзного флота через Дарданеллы, о полной революции в Австрии: чехи, венгры, кроаты¹¹⁵ и словаки отделились и образовали самостоятельные республики, австрийские немцы объявили тоже о самостоятельности. С народным правительством во главе Галиция присоединилась к Польше. Карл¹¹⁶ уехал и, видимо, отречется, ибо исхода уже нет. Австрия вступила в переговоры о сепаратном мире и заключила перемирие с Италией. Союзники предложили Германии позорные условия: очищение Франции, Бельгии и Эльзас-Лотарингии по Рейн, сдачу военного флота, передачу Англии Гельголанда, заняли Эссен с Крупновским заводом, это, впрочем, еще не достоверно, и неизвестно, согласится ли на эти условия Германия, но с сепаратизмом Австрии вести дальнейшую борьбу она не может, разве только в надежде на революцию во Франции и Англии. Вильгельм уехал в ставку, в германских газетах обсуждается вопрос о его отречении, разве это не катастрофический вихрь? Очень возможно, что столь позорный для Германии мир, несмотря на действительно геройскую борьбу, поведет и у нее к революции, и демократам не удержат правление. В один месяц такая мировая перемена! Газеты имеют захватывающий интерес.

У нас в камере все по-прежнему; за 3 недели никого не выпускали. Все теперь волнуются и ждут освобождения в годовщину революции. Сегодня много было свиданий, и принесли известие, будто бы Кистяковский говорил, что всех освободят. Редлиха жена говорила, что спросила Зыкова, и сказала, что все будут Бога молить за них, если освободят, он ответил, что в Бога не верует, но подумает. Покровский¹¹⁷ сказал, что Зыков потребовал список всех заключенных, числящихся за Чрез[вычайной] ком[иссией]. Все только об этом и говорят, нервы у всех взвинчены, и всех освободят, но не думаю, чтобы освободили меня. Заранее переживаю, как тяжело будет остаться одному. Все-таки привык [к] сотоварищам, уход их больно ударит, станет еще тяжелее переживать заключение и привыкать к новым сожителям, людям неинтеллигентным, с которыми и поговорить не о чем. Сегодня заболел старик Вовержинский спазмами желудка, и надо было видеть, с какой заботой и нежностью ухаживал Андре — славный он малый. Что значит все-таки свобода — все рвутся к ней, тогда как она представляет мало привлекательного; тут живут в тепле, ничего не делают, а такие, как Русаков, Часовицков, большая часть крестьян, не терпят ни в чем недостатка — на свободе же все зажиточные мостят улицы, роют канавы, женщины моют полы, белье на холоде до полного утомления, голодают, если дома некому приготовить еду и протопить; да и чем? В Москве, говорят, полный голод, муки и др[угих] продуктов достать ни за какие деньги невозможно, 4ая категория получает столько, что чуть не умирает от голода; дров без особого разрешения купить невозможно,

а разрешают покупать только 1-ой категории, что будет зимой, и представить себе невозможно — и все-таки все рвутся на свободу.

Для меня освобождение представляется счастьем, т[ак] к[ак] явится возможность жить и умереть с Надей; вместе прожили всю жизнь, вместе хочется и доживать; может быть, Господь и смилостивится над нами. Сегодня послал Наде письмо с припиской Вере: посоветовал, если Ольга Мих[айловна] не останется в Верее, а переберется к дочери, купить у нее хоть часть продуктов, а может быть, и козу.

На прогулке Покровский сказал, что в списке, препровожденном в Чрез[вычайную] ком[иссию], он поместил и меня с отметкой, что состою за Вереиской комиссией, которая уже давно требовала моей отправки, и будто бы ему сказали: «Эвэрт будет отправлен». Что он поместил в список, я верю, но что ему так ответили, не верю, это он приврал. Он усиленно хлопочет об изготовлении полотнища с лозунгом: «Окрепнувший социализм не будет знать преступников», его расписывает Часовщиков, а Покровский все прибегает полюбоваться.

Вторник 23 X — 5 XI

Вот уже 1 [час] дня, в камере до 12 час[ов] надеялись на освобождение, хотя еще вчера ясно было, что оно не состоится, иначе нач[альник] тюрьмы получил бы список подлежащих освобождению. Богданов, стрелявший в аптекаршу за отказ продать спирт, освобожден вечером в понедельник; вчера освобождено 5 красноармейцев, обокравших цейхгауз, будучи в карауле, сегодня еще 5 чел[овек] уголовных, ясно, что нашей камеры освобождение не коснется. У меня надежда была так слаба, что, в сущности, ее не было, и для меня, хотя это эгоистично, хорошо, что никого не освободили, но настроение в камере погребальное, хотя оптимисты еще надеются на завтра, но это уже вполне невероятно, ибо завтра они будут праздновать. Каких бешеных денег это будет стоить: на один фейерверк в Москве стоим[ость] 100 000 р[уб.]; здесь на плетение гирлянды за одну работу израсходовано свыше 3000, 40 подвод везли эти гирлянды за 30 верст; что если бы в былое время такое распоряжение сделал какой-нибудь губернатор. И на завтра будто бы сделано распоряжение, чтобы все жены и дочери зажиточных оделись в праздничные наряды и сменили всех служащих в столовых, чайных, при буфетах, открытых лавках и т.п. Видимо, признают, что они не имеют права участвовать в праздновании.

В газетах сообщается, что Краснов и Крупн объявляет советским правительствам, что будет расстреливать пленных, если Советы не прекратят расстрелы заложников. Это заявление написано до такой степени грубо, ругательски, что не верится, что оно не апокрифично, и, во всякой степени, неуместно: пользы оно принести не может, только дурно отразится на нас. Ванюшин все хлопочет о переводе в нашу камеру, удивительное отсутствие самолюбия — ему так открыто выражено нежелание камеры, что считают слишком грязным, что я на его месте, скорее, поместился бы в клоповнике, чем обращался с унижительными просьбами поместиться у нас. Сегодня исполнилось 6 недель, как я в здании тюрьмы.

Четверг 25 X — 7 XI

Сегодня целый день крики, песни и музыка — празднество годовщины. Мы сидим хмурые, даже свиданий никому не дано. Вчера поздно получили газеты. Германское правительство потребовало удаления послов республики из Берлина в 24 часа, и 4^хдневный срок из др[угих] мест империи всех советских официальных лиц под предлогом, что они ведут пропаганду большевизма. Наше правительство предполагает возможность военных действий, если не германских, то белогвардейских войск. Ответа Вильгельма все нет. Австрия согласилась на оккупацию страны союзниками. В Одессе австрийские войска сменяются германскими. Погода чудная, целый день солнце, тепло и тихо.

Пятница 26 X — 8 XI

Вчера телефонограммой сообщено жене Редлиха, что в Москве состоится на съезде постановление освободить всех заложников, контрреволюционеров, не выступавших явно против Сов[етской] респ[ублики], и сократить сроки наказания осужденным. В Москве это уже объявлено, и из тюрем освобождены, у нас говорят, что распоряжение это в Совете не получено. Когда получат, будут ли приводить в исполнение и в какой мере — это вопрос, которым заняты все в камере. Надежда вновь возросла, что же, может быть, и освободят, может быть, согласятся отправить меня в Верену; еще более оснований для хлопот о моем освобождении. Освободят ли моих сокамерников, всех ли или часть, и кого именно? Хотя мне тяжело будет без Андре, но очень желал бы его освобождения, уж очень он хороший человек, кроме того очень волнуется и семья, состоящая из жены и тетки с туберкулезным сыном, всех их он, видимо, страшно любит; все лето он тратил все свои силы, без рабочих работал, чтобы обеспечить семью, и теперь их выгнали и все отобрали, и он страшно беспокоится за них; впрочем, ему и при освобождении не отрадно, ибо его сейчас же призовут в армию. Вахрушев все более и более мне несимпатичен; мне кажется, это совершенно бессердечный, чисто рассудочный человек. Он умница, бесспорно, вероятно, хороший работник, может, готов помочь и другим, но только не по сердечному побуждению. С бедным и безобидным Ванюшиным он обращается прямо резко до грубости, а тот держит себя тише воды, ниже травы. Снятся мне все несообразные сны: так, вчера видел во сне Алек[сандра?] Пет[ровича] Рыбицкого с двумя дочерьми на вечере у себя, а сегодня у портного заказывал сюртук прежней формы.

Газет нет. День изумительно хорош. Ночью был небольшой мороз, а сегодня яркое солнце, ни одного облачка, бодрящий свежий чистый воздух! Вот бы погулять в лесу с Надей и Верушей!

Суббота 27 X — 9 XI. Воскресенье 28 X — 10 XI

Вчера получена газета, в которой изложена резолюция об амнистии: постановлено освободить всех контрреволюционеров, коим не предъявлено обвинение, и всех заложников за исключением тех, дальнейшее задержание которых может облегчить участь красноармейцев, взятых в плен; решение о последних, по каждому лично, зависит от Всер[оссийской] чр[езвычайной] ком[иссии], по этой ре-

Андрей Ганин. Ирена Эверт
 «Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». После революционный дневник и торжественные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

дакции меня могут и не освободить, все будет зависеть от того, каким считает меня Центр[альная] Чр[езвычайная] ком[иссия], а так как она меня не знает, а будет руководствоваться только тем, что я бывший главнокомандующий, то возможно, что меня не освободят. Прошу Надю хлопотать, ибо я никакого влияния на власти, находящиеся в борьбе с Советск[ой] республикой, не имею и для них безразлично, заложник я или нет и что со мною сделают, и скорее отнесутся враждебно как к оставшемуся в рядах республики. Словом, опять полная неопределенность. Мои товарищи ликуют и ждут освобождения с часа на час. Вчера было заседание исполкома, но результат неизвестен, а сегодня праздники и никого нет. Сегодня по телефону сообщили, что Моск[овская] губ[ернская] чрезв[ычайная] ком[иссия] рассылает уездным списки подлежащих освобождению, и в этот список вошли все знакомые им. Все они могли успокоиться еще больше. Как тяжело будет мое состояние, когда останусь один и посадят ко мне Бог знает кого; кроме тяжелого нравственного состояния и относительно еды будет плохо: не будет молока к чаю, картофеля, да, вероятно, и хлеба, т[ак] к[ак], вероятно, Зенин тоже уйдет. Писал Наде, что если меня не освободят, то пусть хлопочет о переводе в Москву, хоть переписываться будет, возможно, и то легче, да и в одиночке будет легче, чем камере с несимпатичными товарищами.

А.Е. Эверт. Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

Удаление нашего посольства из Берлина было сделано германцами в оскорбительной форме.

Празднество прошло в Москве хорошо.

Генерал А.Е. Эверт с семьей и друзьями на отдыхе. Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

В минуты отдыха. Архив И.В. Эверт

Андрей Ганин. Ирена Эверт
 «Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

Андрей Ганин. Ирена Эверт
«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послеревolutionный дневник и торжественные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

С сыновьями Борисом и Владимиром. 26 декабря 1915 г. Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

Штаб 4-й армии. Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

А.Е. Эверт на смотре в XXVI армейском корпусе. 4 января 1916 г.
Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

А.Е. Эверт в III Кавказском корпусе. 12 мая 1916 г.
Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

Андрей Ганин. Ирена Эверт
«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

Андрей Ганин. Ирена Эверт
«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». После революционный дневник и торжественные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

А.Е. Эверт перед смотром Забайкальской казачьей дивизии. 18 мая 1916 г. Архив И.В. Эверт

А.Е. Эверт с чинами тяжелой батареи Гренадерского корпуса.
18 мая 1916 г. Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

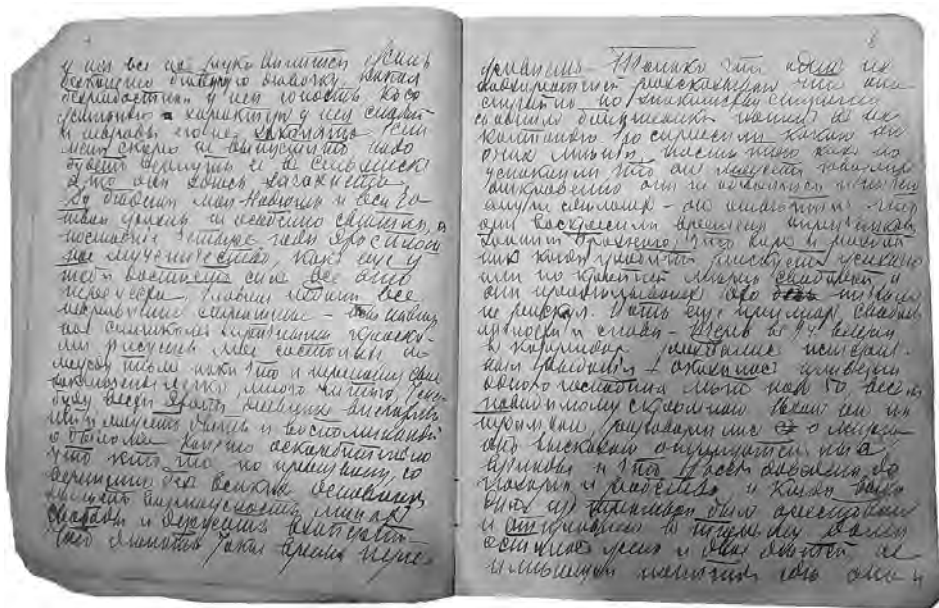
А.Е. Эверт в 112-й пехотной дивизии. 23 мая 1916 г. Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

А.Е. Эверт в 3-й Гренадерской дивизии. 23 мая 1916 г. Архив И.В. Эверт. Публикуется впервые

Андрей Ганин. Ирена Эверт
«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». После революционного дневник и торжественные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. Андрей Ганин. Ирина Эверт

Страницы дневника А.Е. Эверта. Архив И.В. Эверт

Письма [А.Е. Эверта] из можайской тюрьмы

17/30 — IX [19]18 г.

Дорогая моя Надя! Сегодня наш семейный праздник. Поздравляю тебя, дорогая моя, поздравляю Веру и маленькую Ириночку, очень бы хотел поздравить Надю. Дай Бог, чтобы жизнь наконец-то снова стала покойной и мы проводили бы ее вместе. Как бы отрадно было сегодня обнять тебя, и Веруню, и маленькую Ирину, и как тяжело чувствуется в такие дни подневольное заключение! Главное — томит полная неизвестность, сколько просидишь в таком положении; давит мысль о тяжелом твоём материальном положении и том, что ничем не в состоянии помочь. Очень боюсь, как бы мы не лишились зимней одежды. Говорят, в Москве отбирают не только в домах, но и в складах, очень вероятно, что ты запоздаешь ее взять. Как досадно, что тебе без всякой пользы пришлось провести лишний день в Можайске и не удалось уехать в субботу. Твои хлопоты устроить довольствие пропали даром, т[ак] к[ак] та, с которой ты сговорилась, отказалась. К счастью, я сам устроился, сговорившись с одним из заключенных. Нашли ли паспорт? Если его там нет, где я говорил, то, значит, я его переложил в желтый портфель или в папку с документами, погляди внимательнее. Очень интересно было бы поговорить с Валею. Обдумавши Ваши предложения, я считаю их несбыточными. По-видимому, Бобик нервничает, а я-то думал, что он будет твоей поддержкой. Видно, мы, старые люди, крепче, вероятно, поддерживает нас вера, с одной стороны, а с другой — забота не столько о себе, сколько за дорогих близких.

18 — IX / 1 — X

Какая чудная стоит погода. Радуюсь за вас и за Ириночку; по крайней мере в лесу погуляет бедная девочка, немного удовольствия она увидит за эту поездку. А у нас как нарочно перемена режима: запретили рубить дрова и даже камеру стали запирать, т[ак] что воздухом дышим только во время часовой прогулки; кроме того скверно, что нет совсем книг, а писать воспоминания невозможно — нет возможности сосредоточиться, когда в камере 15 человек. Тяжело будет так просидеть продолжительное время! Как ты, моя дорогая, доехала, что нашла дома, все ли благополучно? Пиши письма по адресу — Можайск, Анне Васильевне Савельевой, с передачей Ал[ексею] Ерм[олаевичу]. Мне передадут. Напиши, когда поедешь в Москву за вещами; когда поедешь ко мне, привези коробочку сахара; я уже писал тебе¹¹⁸, что принесенную тобою в день отъезда моего из Вереи, к величайшей досаде, потерял, и где и как — ума не приложу, а моя подходит к концу. Кроме того, захвати мыльницу и кусок мыла из ящика в столе столовой комнаты и коробочку зубного порошку «Одоль». Больше мне ничего не нужно пока, довольствие обеспечено, а если переменится, то напишу. Освобождение меня зависит главным образом от Вереи, а потому по временам надоедай Трифонову и другим. Физически я совсем здоров.

19 — IX / 2 — X

В комодке, во втором ящике лежит георгиев[ский] крест и французский, спрячь его: было бы обидно, если бы они пропали. Буду тебя ждать не в это, а в следующее воскресенье, пока же пиши, тяжело не знать, все ли у вас благополучно, здоровы ли вы, как твоя нога. Не забудь захватить смену белья, а я тебе дам грязную смену. Запаслась ли ты картофелем, капустой и т.п.? Морковь, свеклу, репу, лук, тоже надо закупить. Морковь, свеклу и репу хорошо бы засушить; сушеные грибы в мешке я положил в буфете, т[ак] к[ак] в чулане сыреют. Запасись дровами; если бы пришлось переезжать — всегда можно передать оставшиеся запасы. Если бы пришлось переезжать, как вы предполагали, то лучше пепельницы сохранить — впрочем, и это вопрос, как лучше, — могут пропасть во время переезда. Получила ли ты удостоверение, что я не служу? Необходимо добиться получения пенсии, желательно, чтобы было удостоверение и о том, что мне более 60 лет, словом, очень прошу вопрос о пенсии вести энергично. Когда думает Валя возвратиться, хорошо было бы, если б ты съездила в Москву и ко мне до ее отъезда. Ну, да сохрани вас всех Господь, молю его, чтобы он смилостивился над нами и дал бы покой душе. Крепко обнимаю тебя, дорогая моя, Валю, Бобика, Веру и Иринчика. Всем добрым знакомым сердечный привет. Горячо вас любящий Алексей.

Постельного белья в этот приезд не привози. Пожалуйста, не затеряйте мой перочинный ножичек в футляре, лучше его совсем спрятать, ведь у вас есть другой.

20 — IX / 3 — X 1918

Дорогая Надя! Вчера пришел к нам председатель здешнего комиссариата. Он, видимо, совершенно не знал, по каким основаниям я здесь нахожусь, и хоть знал, что я здесь, но не поинтересовался почему. Вот дословно наш разговор: «Скажите,

за кем я числюсь и от кого будет зависеть мое освобождение?» — «От нас». — «Но ведь вы меня совсем не знаете». — «А разве Вы командовали верейским фронтом? Кто же в России не знает главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта?» — «С этой стороны Вы меня знаете, как я жил и за что лишен свободы; мне в Верее председатель Чрезвычайной следственной комиссии заявил, что никаких оснований к моему аресту нет и я арестован лишь как заложник; меня и интересует, долго ли меня будут держать здесь». — «Будете, значит, сидеть, пока не потребуются заложники, или отправят в контрактный¹¹⁹ лагерь». Как видишь, положение неважное. Утешаю себя тем, что, видимо, он совершенно не знал, на каком основании меня задержали и у кого в ведении я нахожусь, но ведь при таких условиях можно оставаться до скончания века. Пошлю заявление в Можайскую и Верейскую чрезвычайные комиссии с просьбой определить срок, на который я арестован, и от кого зависит мое освобождение, от Верейской или Можайской комиссии или от Московской Всероссийской Чрезвычайной комиссии. Похлопочи в Верее и ты, конечно не ссылаясь на это письмо и не передавая этого разговора, а письмо это уничтожь.

Ничего не знаю, что у вас делается, здоровы ли вы все, это более всего томит меня. Когда приедешь, привези с собою: 1) 2 смены белья, причем носков одну пару, а постельного совсем не надо, а одну подушку я возвращу; 2) оставшуюся коробочку сахарина, т.к. ту, которую ты принесла в последний день в Верее, я потерял, и где — не могу понять, вероятно, там; 3) мыльницу с мылом из ящика в столе столовой; 4) зубного порошку (коробочка в буфете в левом ящике) или купи «Одоль» и 4) пузырек с чернилами. Торопись взять зимние вещи, иначе не успеешь. Ваши предложения об общем переезде по долгом размышлении считаю несбыточными, поэтому заготовляй запасы картофеля, капусты и зелени, иначе останешься без всего, а в случае надобности можно продать. Крепко обнимаю и целую тебя, моя дорогая. Поцелуй Валу, Бобика, Веруню и милую Ириночку. Да благословит и сохранил вас Создатель. Горячо любящий А.

Дорогая Надя! Вчера послал тебе 2 письма; не знаю, получишь ли их, а потому пользуюсь случаем, чтобы написать несколько слов. Писем от вас нет, и я тоскую от неизвестности, что делается у вас, здоровы ли вы. Сам я здоров, было легкое расстройство желудка, но теперь прошло. Торопись взять теплое зимнее платье, иначе рискуешь, что его отберут. Когда приедешь, привези: 1) 2 смены белья, постельного не надо, 2) коробочку сахарину 3) мыльницу, и мыло, и коробку зубного порошка. Постарайся, когда в воскресенье дадут тебе свидание, прийти к началу его, т[ак] к[ак] свидания заканчиваются одновременно, и для тех, которые запыздывают, свидания кратки, а для приходящих сначала продолжительны. Вчера освободили из нашей палаты 2: одного эсера и одного заложника — помещика и офицера. Скажи, когда увидишь Трифонова, что здесь парами заложников освобождают. Сегодня отправил в Верейскую и Можайскую Чрезвычайные комиссии заявление с просьбой определить сроки содержания и выяснить, какая комиссия должна составить постановление о моем освобождении — Верейская, Можайская или Московская Всероссийская Чрезвычайная комиссия. Со своей стороны, ты похлопочи о том же. Сегодня у нас посадили в тюрьму одну барыню, она живет

в г. Минске с детьми, а отец в Москве; последний заболел, и она ехала в Москву, ей дали билет только до Можайска, а здесь отказались выдать пропуск в Москву. На обратный проезд через Оршу она пропуска не имеет, хотела получить в Москве. И вот ее отправили в тюрьму. Бедная всю ночь, говорят, проплакала, и, действительно, в Москве, может быть, умирает отец, в Минске 5 человек детей. Заготовляешь ли ты запасы? Получила ли пенсию, вставили ли окна, хорошо ли замазали отдушники в фундаменте? Как идет домашнее хозяйство? Хорошо ли Бобик рубит дрова? Достали ли муку? Сколько купили картофеля, капусты и др[угих] овощей? Ради Бога, пиши, может, что-нибудь и получу. Буду ждать 30 сент[ября] (13 окт[ября]), в воскресенье. Крепко целую тебя, Валю, Бобика, Веруню и Ириночку, да сохранил и благословит вас Господь. Горячо любящий муж, отец и дед.

21 — IX / 4 — X 1918 г.

Дорогая Надя! Сегодня свидание. Т[ак] к[ак] тебя не ожидаю, то пишу, чтобы сообщить, что совершенно здоров. Из тюремных новостей: оказывается, что сведения о расстреле Русанова и священника были верные, по-видимому, их в Москву и не возили, а только распустили такой слух. Здесь сидит отец его жены, старик 74 лет, был до удивительности бодр, но вчера, видимо, его передернуло. Он не у нас в камере, и я его видел в бане. Из нашей камеры выпустили еще двоих, но вчера привели священника, прочитавшего в церкви призыв патриарха к покаянию. Бедный страшно удручен. Компания у нас чрезвычайно симпатичная. День проводим так: встаем в $\frac{1}{2}$ седьмого по старому времени и до половины восьмого умываемся; затем пьем чай с молоком и хлебом; в 11 час. обед — суп, смесь всех супов, принесенных в предшествующий день; в 12 пьем чай, от 2 - 3^х гуляем, в 3 $\frac{1}{2}$ второй обед — тоже густой суп; в 5 — чай; затем один по очереди читает вслух Чехова, Горбунова¹²⁰ и т.п.; в 8 ч[асов] — кусочек хлеба с котлетой и яблоко, после чего ложимся, а 2^е или трое ожидают газет, и более животрепещущие читают вслух. В 10 ч[асов] все спим. Послал тебе по почте 2 письма и одно с оказией, получила ли ты их? Вероятно, на этой неделе ты поедешь в Москву. Жду тебя в будущем в воскресенье. Пишем все нет и нет, а так хочется знать, что с вами, легче бы переносилось заключение. Непередача писем — это уж совершенно не понятная и бессмысленная жестокость. Имею слабую надежду получить сегодня, если ты получила мое письмо первое. Как твоё здоровье? Меня это очень беспокоит. Борис нервничает, пожалуй, по-прежнему? У нас ли Валя с Ириночкой? Как экзамены Веры? Крепко всех вас, мои дорогие, целую, да сохранил вас Господь. Горячо любящий муж, отец и дед.

23 — IX / 6 — X 1918 г.

25 — IX / 8 — X 1918 г.

Дорогая моя Надя! Пользуюсь случаем, чтобы послать тебе более подробное письмо. Под влиянием твоих слов и у меня явилась была надежда на скорое освобождение, но, обдумывая более серьезно свое положение, я прихожу к убеждению, что эта надежда ни на чем не основана. В самом деле: я взят как заложник на

«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». После революционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. ————— Андрей Ганин. Ирина Эверт

основании декрета: «взять заложников и держать, пока не последует декрета всех заложников освободить»¹²¹. Нас не освободят, а такого декрета, судя по общему положению — я ведь теперь прочитываю все газеты от нечего делать, — ожидать нельзя; следовательно, приходится сродниться с мыслью, что буду сидеть долго. А так как моя главная забота о тебе, о том, как будешь жить ты с Верой без меня, то я все это время и обдумываю эти вопросы. Мне кажется, что лучше тебе переселиться в Смоленск. Какой смысл тебе оставаться в Верее в полном одиночестве, особенно если Борис должен будет уехать к себе на службу и, тем более, если ни ты, ни Вера не найдете себе службы. На Анатолия и Дагмару рассчитывать нельзя — они оба неспособны участливо отнестись к кому-либо, а ты ведь к тому же и трусиха: ты ведь ни одной ночи не будешь спать и окончательно изведешься, а вдруг, сохрани Боже, еще заболеешь — кто за тобой будет ухаживать? К тому же уплотнить и поселить к тебе людей, которых ты будешь только бояться. И так в течение многих месяцев моего заключения. Не лучше ли подумать, как устроить тебе жизнь без меня. В Смоленске ты не останешься одна, скорее найдешь себе занятие, да и Вера тоже — словом, почувствуешь под собой почву. Подумай-ка, дорогая моя, над этим. Ваши предположения об общем переезде ни на чем серьезном не основаны — это только несбыточная мечта. От вас ни одного письма не получил, и это составляет главный¹²² гнет моей жизненной здесь обстановки, — тяжело не знать даже, здоровы ли вы; очевидно, все письма, адресованные сюда, уничтожаются комиссариатом. Я послал тебе 4 письма после твоего приезда сюда при разных okazиях, получила ли ты их? В одном из них я описывал тебе разговор мой с председателем здешнего совета комиссаров, из которого я убедился, что они гордятся, что у них в заключении такой туз, как я, но не имеют понятия, за что я арестован, на учете какой комиссии, Верейской или Можайской, я состою и от какой Чрезвычайной комиссии зависит мое освобождение, от Можайской, Верейской или Московской? Я послал в здешнюю и в Верейскую комиссии прошение о выяснении этих вопросов. Действия здешней комиссии при аресте заложников еще понятны, они забрали более влиятельных помещиков и партийных деятелей; Верейская — только меня, но какое влияние имею я в Верее? Я просил тебя переговорить с Трифионовым и выяснить, можно ли рассчитывать на освобождение, и от какой комиссии это зависит, и в зависимости от этого, думаю, следует тебе решить вопрос о дальнейшем пребывании в Верее. Письмо это, может быть, тебя не застанет, и ты поедешь в Москву; если же застанет, то не зайдешь ли к Муралову — может быть, он что-нибудь и сделает. Если и это не поможет, то надо будет предоставить все естественному течению. Я очень боюсь, не запоздала ли ты взять зимнюю одежду, выдадут ли тебе ее? Не реквизируют ли ее?

Дай Бог, чтобы тебе удалось ее взять и продать ротонду и доху. Там еще лежит мое пальто — спори и уничтожь мои генеральские погоны — [на] них погоны производят особенное впечатление, чуть не является доказательством контрреволюционности. В это воскресенье буду ожидать тебя к себе. Постарайся получить пораньше разрешение и приходи к началу свидания, т[ак] к[ак] сви-

дания прекращаются одновременно, то те, которые приходят раньше, дольше и остаются.

Привези непременно оставшуюся коробочку сахарина — я уже писал, что принесенную тобой я потерял в Верее или в пути, а прежняя подходит к концу. Привези также мыльницу с мылом (в столе в столовой в ящичке), зубного порошку и две смены белья — постельного не надо, разве только наволочку маленькой подушки. Нашла ли свой паспорт? Может быть, я его положил в желтый портфель или черный; ключ от желтого портфеля на связке ключей в столе у моей кровати; не забудь взять эту связку в Москву — на ней ключ от сундука. Ключ от деревянного ящичка, простой с крючком — на одной из связок в моем портфеле, запертом ключиком, который на той же связке, на которой ключ от портфеля. До скорого свидания, моя дорогая. Крепко, крепко всех вас всех целую, да сохранит и благословит вас Господь! Горячо любящий муж, отец и дед.

Дорогая моя Надя! Сегодня встал с мыслью увидеть тебя завтра, сроднившись с тем, что еще долго просижу здесь, но вдруг совершенно неожиданно пришел начальник тюрьмы и сообщил, что Верейск[ая] Чр[езвычайная] ком[иссия] требует отправления меня в Верею и, весьма вероятно, что меня отправят сегодня же. Теперь здешний совет обсуждает, как меня отправить. Все это совершенно неожиданно и непонятно: разве не могли они потребовать освободить меня и потребовать от меня подписку немедленно явиться к ним; с другой стороны, что здешнему совету обсуждать, когда требуется назначить¹²³ только конвой. Как бы то ни было, ты проедешь напрасно.

Хотел послать тебе телеграмму, чтобы не приезжала, но она тебя уже не застанет, да, кроме того, если не отправят сегодня, то будут ждать будущей субботы, и мне в этом случае не хотелось бы терять лишнего случая повидаться с тобой. Итак, до скорого, Бог даст, свидания, льщу себя надеждой, что меня и Верея выпустит с обязательством о невыезде. Крепко я целую тебя, Веру и Бориса, да сохранит всех вас Господь и да подаст нам спокойной жизни. Горячо любящий муж, отец и дед.

29 сент[ября] / 12 окт[ября] 1918 г.

Конвоя не назначили, и я остался. Когда назначат — неизвестно, а если будут ждать очередного, то придется ждать будущей субботы, т[о] е[сть] целую неделю. Будешь просить свиданья, попроси в совете комиссаров ускорить отправление. Если меня отправят завтра утром, до свиданья с тобой, то ты все-таки зайди в тюрьму за вещами. Видишь ли, нач[альник] тюрьмы обещал приискать подводу, — тогда я вещи захвачу с собой, но если это ему не удастся и придется идти пешком, то я вещи оставляю для передачи тебе. Более вероятно, однако, что завтра меня еще не отправят и мы с тобой увидимся. Совершенно не понимаю, зачем Верейск[ая] Чр[езвычайная] ком[иссия] потребовала меня и заставляет под конвоем проделать снова переход от Можайска до Вереи, — может быть, ты мне это разъяснишь.

Еще раз до скорого свиданья, моя дорогая. Крепко обнимаю и благословляю всех вас, горячо любящий твой Алеша. Если ты знаешь о моем вызове и завтра не при-

дешь, то это письмо тебе перешлют, и если меня будут держать до субботы, попроси Верейскую комиссию ускорить мой вызов, а еще лучше — обязать меня подпиской к ним явиться и дать возможность проехать свободно. Попроси, если можно, снести телеграммой.

Дорогая Надя! Вызов меня в Верею получен еще в субботу, но здешний председатель Чр[езвычайной] к[омиссии] сказал, что он не даст конвоя, что сам снесется с Вер[ейской] Чр[езвычайной] ком[иссией] и запросит, на каком основании меня вызывают, и без ответа не отпустит меня, так что мое освобождение может задержаться и задержаться надолго, ведь здешняя Чр[езвычайная] к[омиссия] может и не согласиться с заключением Верейской, фактически я в их руках. Не говори Трофимову¹²⁴ всего этого, попроси все сношения сделать телеграфом и ускорить мое возвращение в Верею. Неопределенность еще больше меня волнует. Здешняя комиссия вообще относится крайне враждебно ко всем нам. Лучше бы было, если бы Верейск[ая] просто освободила, а то следовать 20 верст под конвоем очень неприятно. До свиданья, моя дорогая. Крепко целую тебя, Бориса и Веру, да благословит вас Господь! Горячо любящий Алеша. Отчего ты задержалась в Москве? С таким нетерпением тебя ожидал в воскресенье.

1 / 14 окт[ября]¹²⁵

Дорогие мои Бобик и Веруня! Рано вы стали радоваться, что скоро увидимся. Правда, Верейск[ая] Чр[езвычайная] ком[иссия] прислала в тюрьму требование возвратить меня в Верею, но здешний военный комиссар и он же — председатель Чр[езвычайной] ком[иссии] заявил, что он не находит нужным отпустить меня из Можайска в Верею, конвоя не дает и оставит меня здесь. Обещал только послать в Верею телеграмму с запросом, на каком основании меня требуют обратно, хотя и совершенно ясно, что если Верея меня арестовала и препроводила в Можайскую тюрьму для дальнейшего содержания, потому что в Верее тюрьмы нет, то она же может и распорядиться с дальнейшим моим содержанием, но это объяснение для здешнего комиссара Кулаковского¹²⁶ недостаточно, и, следовательно, возможно, что меня продержат здесь еще долго. Попрошу тебя, Бобик, если мама еще не возвратилась, сходи к Тр[офимову] и, не говоря о всем предыдущем, скажи, что очень беспокоитесь, что я так долго не прихожу в Верею, просите сообщить, что со мной, отчего меня нет, и очень попроси ускорить мое прибытие.

Если в Верее люди с самолюбием, то они, может быть, настоят. Если же скажут, что ничего сделать не могут, то, может быть, согласится от себя снести с Моск[овской] Чрезв[ычайной] ком[иссией]. Не понимаю, отчего мама так долго задержалась в Москве? Она хотела вернуться еще 25²⁰ в Верею, я так ее ждал в воскресенье на свиданье, так о многом надо переговорить.

Тебя, Бобик, прошу во всяком случае никуда не уезжать и не оставлять мамы, пока я не возвращусь. Деньги присланы, наверно, Надей. Попроси вернуть их обратно, не отправлять до получения мамой. Дорогие мои, если бы вы знали, как хочется поскорее вас обнять и поговорить с вами, пожить покойной жизнью. Я уже стал привыкать к неизбежному сидению, но блеснувшая возможность возврата и неопределенность, исполнится ли это, — страшно волнует. Крепко обнимаю вас,

да благословит вас Господь, всем знакомым поклон. Маму крепко, крепко целую, ее мечту о возможности общего переезда надо совершенно откинуть как несбыточную. Горячо любящий отец.

Дорогие Бобик и Вера! Вчера я послал письмо на имя Борис Александровича для передачи Вере, но боюсь, что оно благодаря неисправности почты может пропасть. Поэтому повторяю: здесь получено требование Верейск[ой] Чрезв[ычайной] ком[иссии] о возвращении моем в Верей, но здешний председатель Чр[езвычайной] ком[иссии] заявил, что он не находит нужным меня отпускать, и хотя обязан снестись с Верейск[ой] ком[иссией], но во 1^х может этого и не сделать, а если и сделает, то от него возможно, что все-таки меня не отпустит. Если мамы нет, то ты, Борис, сходи к Тр[офимову] и, не говоря ничего о том, что я сообщил выше, скажи, что беспокоишься, что меня нет, что просишь ускорить возвращение и, если необходимо, настоять через Моск[овскую] Чр[езвычайную] ком[иссию]. Я истомился по вам и страшно беспокоюсь за маму, ждал ее с нетерпением в воскресенье, 30го, но она не приехала, боюсь, не заболела ли, так о многом хотелось бы переговорить. Теперь. может быть. совсем надолго здесь останусь, одна надежда на субботу, т[о] е[сть] очередной наряд этапной команды. Попроси Тр[офимова], чтобы телеграммой или телефонограммой потребовали моего немедленного отправления, может быть, тогда в субботу и отправят, если же нет, то всякая надежда возвращения скоро лопнет. Очень рад, что Вы живете мирно; хорошо было бы, если бы кроме космографии ты с Веруней занялся бы математикой, особенно задачами и географией. Попроси маму писать на имя Анны Николаевны Русаковой, когда поедет, захватить белья — одной присланной тобою смены мало — я ее уже надел, и у меня все потное, пусть привезет 2 смены.

Крепко целую, да благословит вас Господь.

Горячо любящий отец.

2 / 15 окт[ября] Продолжение писем в моем дневнике. Н. Эверт¹²⁷

Архив И.В. Эверт. Подлинник. Автограф.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Мы, видимо, попали в водоворот». Отрывки из дневника главкома Алексея Эверта публикуются впервые / Публ. А.В. Ганина и И.В. Эверт // Родина. 2018. № 11. С. 34–37.
2. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917.
3. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 758.
4. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759.
5. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 760.
6. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 761.
7. Ганин А.В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53.

8. Ганин А.В. Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 84–100.

9. Залесский К.А. Алексей Ермолаевич Эверт — забытый генерал забытой войны // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. № 1 (14). С. 53–85.

10. Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 30–51.

11. Оськин М.В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016.

LIST OF SOURCES AND LITERATURE

1. “«We, probably, got to a whirlpool”. Fragments from the diary of the commander-in-chief Aleksey Evert are published for the first time», the publication by A.V. Ganin and I.V. Evert, *Homeland* [“«My, vidimo, popali v vodovorot». Otryvki iz dnevnika glavkoma Alekseya Everta publikuyutsya v pervyye», publ. A.V. Ganina i I.V. Evert”, *Rodina*] (2018), No. 11.

2. *All Moscow. The address and reference book for 1917* [Vsvya Moskva. Adresnaya i spravochnaya kniga na 1917 god] (1917), Moscow.

3. State Archive of the Russian Federation. F. R-5881. In. 2. 758.

4. State Archive of the Russian Federation. F. R-5881. In. 2. 759.

5. State Archive of the Russian Federation. F. R-5881. In. 2. 760.

6. State Archive of the Russian Federation. F. R-5881. In. 2. 761.

7. Ganin, A.V. (2017), “Commander-in-chief of the Western front Aleksey Evert: We are traitors of the sovereign!”, *Homeland* [“Glavkom Zapadnogo fronta Aleksej Evert: My predатели svoego gosudarya!”, *Rodina*], No. 2.

8. Ganin, A.V. (2012), “Mikhail Antonovich Dorman: the general and his “case””, the New historical bulletin [“Mihail Antonovich Dorman: general i ego «delo»”, *Novyj istoricheskij vestnik*], No. 2 (32), P. 84–100.

9. Zalesky, K.A. (2015), “Alexey Ermolayevich Evert — forgotten general of the forgotten war”, *News of Laboratory of ancient technologies (Irkutsk)* [“Aleksej Ermolayevich Evert — zabytyj general zabytoj vojny”, *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij (Irkutsk)*], No. 1 (14). P. 53–85.

10. Oskin, M.V. (2014), “Alexey Ermolayevich Evert”, *History Questions* [“Aleksej Ermolayevich Evert”, *Voprosy istorii*], No. 5. P. 30–51.

11. Oskin, M.V. (2016), *Commanders-in-chief of fronts and plot of 1917* [Glavnokomanduyushchie frontami i zagovor 1917 g.], Moscow.

¹ Ганин А.В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53.

² Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 50; Залесский К.А. Алексей Ермолаевич Эверт — забытый генерал забытой войны // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. № 1 (14). С. 83–84. М.В. Оськин в новой работе упомянул о расстреле

- генерала, но ошибся в дате (*Оськин М.В.* Главкомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016. С. 258).
- ³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 11.
- ⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 15.
- ⁵ Там же. Л. 11об.
- ⁶ Там же. Л. 18об.
- ⁷ Братья-генералы **Александр** и **Алексей Евгеньевичи Гуторы** с 1918 г. служили в Красной армии.
- ⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 761. Л. 7-7об.
- ⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 23.
- ¹⁰ Там же. Л. 45.
- ¹¹ Указаны даты по старому и новому стилю.
- ¹² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 46об.-47.
- ¹³ Там же. Л. 50об.
- ¹⁴ Там же. Л. 51.
- ¹⁵ Там же. Л. 51об.
- ¹⁶ «Мы, видимо, попали в водоворот». Отрывки из дневника главкома Алексея Эверта публикуются впервые / Публ. А.В. Ганина и И.В. Эверт // Родина. 2018. № 11. С. 34–37.
- ¹⁷ Согласно справочнику «*Вся Москва*» на 1917 г. Софья Павловна и Сергей Иванович Шумилины проживали по адресу: 3-я Тверская-Ямская улица, 30/29 (*Вся Москва*. Адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917. [Раздельная пагинация]. Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов. С. 556).
- ¹⁸ Первая запись дневника не датирована. Дата установлена предположительно по следующей записи.
- ¹⁹ Предыдущая тетрадь дневника утрачена.
- ²⁰ **Гурко Иосиф Владимирович** — генерал-фельдмаршал, герой Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.
- ²¹ **Эверт** (в девичестве — **Познанская**) **Надежда Игнатьевна** — супруга генерала.
- ²² В дневнике обозначены цифрами.
- ²³ Правильно — Аросев. **Аросев Александр Яковлевич** — помощник командующего войсками Московского военного округа. Отец актрисы Ольги Аросевой.
- ²⁴ **Эверт (в замужестве — Георгиева)** **Вера Алексеевна** (1901-?) — дочь генерала.
- ²⁵ Возможно, **Оболешев Александр Дмитриевич** (1855-1918) — генерал от кавалерии в отставке.
- ²⁶ Слово неразборчиво.
- ²⁷ **Жилинский Яков Григорьевич** (1853-1918) — генерал от кавалерии, варшавский генерал-губернатор. Ср. со свидетельством Н.И. Эверт: «*Между прочим, муж сообщал, что помещается в камере с каким-то простым парнем, сыном купца, что надзиратель очень извинялся, что за неимением места в др[угих] камерах не мог предоставить ему более подходящего общества, причем добавил, что он будет встречаться со всеми на прогулках. На вопрос, с кем именно, он ответил, что в тюрьме содержится уже больше месяца ген. Жилинский — б[ывший] варшавский ген[ерал]-губернатор и ген[ерал] Оболешев [Расстрелянный в том же году на границе при попытке к бегству. — Прим. Н.И. Эверт]*» (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 7).
- ²⁸ **Гродиск (Гродзиск)** — уездный город Варшавской губернии.
- ²⁹ **Янушевский Григорий Ефимович** (1861-1938/1939) — генерал-лейтенант.
- ³⁰ **Дернов Дмитрий Михайлович** (1862-?) — генерал-лейтенант.

- ³¹ **Прасалов Владимир Порфирьевич** (1856-?) — генерал-лейтенант.
- ³² **Мясников Александр Федорович** — главнокомандующий Западным фронтом.
- ³³ Номер не указан.
- ³⁴ **Троцкий Лев Давидович** (1879-1940) — народный комиссар по иностранным делам.
- ³⁵ За время Первой мировой войны у Эвертов умерли двое детей — сын **Всеволод** и дочь **София**.
- ³⁶ **Гейерстам Густав** (1858-1909) — шведский писатель, автор романа «Борьба душ» (1904).
- ³⁷ **Эверт Игнатий Алексеевич** (1891-1938) — старший сын генерала.
- ³⁸ В данном случае — супруга И.А. Эверта — Надежда Дмитриевна Гусарова.
- ³⁹ **«Роковые силы»** — роман Г. Гейерстама, изданный в 1907 г. и затрагивающий рабочий вопрос.
- ⁴⁰ **Эверт Борис Алексеевич** (1895-1966) — сын генерала.
- ⁴¹ **Гельсингфорс** — ныне Хельсинки.
- ⁴² **Эверт Владимир Алексеевич** (1897-1991) — сын генерала.
- ⁴³ **Эверт Валентина Алексеевна** (1897-1963) — дочь генерала.
- ⁴⁴ **Жилинская** (в замужестве — **Ситникова**) **Ирина Васильевна** (1915-1989) — внучка А.Е. Эверта.
- ⁴⁵ **Жилинский Василий Васильевич** (1869-1925) — супруг Валентины Алексеевны Эверт, зять А.Е. Эверта.
- ⁴⁶ **Юревич Евгений Нилович** — начальник Таганской тюрьмы.
- ⁴⁷ Видимо, В.В. Жилинский — зять генерала.
- ⁴⁸ Возможно, другая расшифровка слова.
- ⁴⁹ В старом значении — наверняка.
- ⁵⁰ **Милоков Павел Николаевич** (1859-1943) — лидер партии кадетов.
- ⁵¹ Речь идет о Е.Н. Юревиче.
- ⁵² **Вильсон Томас Вудро** (1856-1924) — 28-й президент США (1913-1921).
- ⁵³ Речь идет о назначении Л.Д. Троцкого народным комиссаром по военным делам 14 марта 1918 г.
- ⁵⁴ **Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович** (1873-1923) — лидер меньшевиков.
- ⁵⁵ **Танеев Александр Сергеевич** (1850-1918) — обер-гофмейстер императорского двора, отец А.А. Вырубовой.
- ⁵⁶ **Воейков Владимир Николаевич** (1868-1947) — дворцовый комендант, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества.
- ⁵⁷ **Жданов Владимир Анатольевич** (1869-1932) — присяжный поверенный. Военный комиссар при главнокомандующем армиями Западного фронта (07-11.1917). Известен защитой эсера И.П. Каляева (1905) и других революционеров, а также защитой бывшего командующего Балтийским флотом А.М. Щастного (1918).
- ⁵⁸ Слово неразборчиво.
- ⁵⁹ То есть супруги Игнатия — сына генерала.
- ⁶⁰ Правильно — из СНК.
- ⁶¹ **Штейнберг Исаак Захарович** (1888-1957) — народный комиссар юстиции РСФСР (1917-1918), член партии левых эсеров.
- ⁶² Вероятно, **Шумилин Сергей Иванович** — хозяин квартиры Эвертов в Москве.
- ⁶³ **Тихон (Беллавин Василий Иванович)** (1865-1925) — патриарх Московский и всея России (с 1917).
- ⁶⁴ **Куропаткин Алексей Николаевич** (1848-1925) — генерал от инфантерии.
- ⁶⁵ **Верховский Александр Иванович** (1886-1938) — генерал-майор.
- ⁶⁶ **Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич** (1870-1956) — генерал-майор.

- ⁶⁷ **Лечицкий Платон Алексеевич** (1865–1923) — генерал от инфантерии.
- ⁶⁸ **Вильгельм II** (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский) (1859–1941) — последний германский император.
- ⁶⁹ Возможно, **Квитницкий Леонид Викторович** (1878–1918) — полковник, арестован и расстрелян в конце 1918 г.
- ⁷⁰ **Плеве Павел Адамович** (1850–1916) — генерал от кавалерии, командующий войсками Московского военного округа (1909–1914).
- ⁷¹ Следующее слово неразборчиво.
- ⁷² **Брусилов Алексей Алексеевич** (1853–1926) — генерал от кавалерии.
- ⁷³ **Брусилова (Желиховская) Надежда Владимировна** (1864–1938) — супруга генерала А.А. Брусилова.
- ⁷⁴ **Каледин Алексей Максимович** (1861–1918) — генерал от кавалерии, донской атаман.
- ⁷⁵ **Корнилов Лавр Георгиевич** (1870–1918) — генерал от инфантерии, командующий Добровольческой армией.
- ⁷⁶ **Ренненкампф Павел-Георг Карлович, фон** (1854–1918) — генерал от кавалерии.
- ⁷⁷ **Грузинов Александр Евграфович** (1873–1918) — полковник в отставке, командующий войсками Московского военного округа (1917).
- ⁷⁸ **Рябцев Константин Иванович** (1879–1919) — полковник, командующий войсками Московского военного округа (1917), один из руководителей борьбы с большевиками в Москве в ноябре 1917 г.
- ⁷⁹ Генерал Л.Г. Корнилов бежал из плена в июле 1916 г. Назначен командиром XXV армейского корпуса 13 сентября 1916 г.
- ⁸⁰ Речь идет о выпуске 1882 г. из Николаевской академии Генерального штаба.
- ⁸¹ **Розмаинский Федор** — протоиерей, в Первую мировую войну — священник штаба главнокомандующего армиями Западного фронта.
- ⁸² Возможно, **Ильинский Игорь Владимирович** (1880–1937) — присяжный поверенный, литератор.
- ⁸³ Следующее слово неразборчиво.
- ⁸⁴ Следующее слово неразборчиво.
- ⁸⁵ А.Е. Эверт служил в штабе Варшавского военного округа в 1886–1893 гг.
- ⁸⁶ Речь идет о Г.Е. Янушевском. См. примеч. выше.
- ⁸⁷ Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1930) — князь, общественный деятель.
- ⁸⁸ **Шуваев Дмитрий Савельевич** — бывший генерал от инфантерии и военный министр. Арестован, позднее освобожден. С 1918 г. — в РККА.
- ⁸⁹ **Кривошеин Александр Васильевич** (1857–1921) — государственный деятель.
- ⁹⁰ Речь идет о В.К. Шмитте.
- ⁹¹ Возможно, **Второв Николай Александрович** (1866–1918) — банкир.
- ⁹² **Римский-Корсаков Владимир Валерианович** (1859–1933) — генерал-лейтенант, директор 1-го Московского кадетского корпуса (1904–1917).
- ⁹³ Видимо, **Гутор Алексей Евгеньевич** (1868–1938) — генерал-лейтенант.
- ⁹⁴ В старом значении — наверняка.
- ⁹⁵ **Иванов Николай Иудович** (1851–1919) — генерал от артиллерии.
- ⁹⁶ Продолжение дневника А.Е. Эверта, переписанное рукой Н.И. Эверт.
- ⁹⁷ Возможно, речь идет о комиссаре политического отдела в Верее Трифонове.
- ⁹⁸ См. примеч. выше.

- ⁹⁹ Речь идет о нотах американского президента В. Вильсона, направленных германским властям в октябре 1918 г. по вопросу о заключении перемирия.
- ¹⁰⁰ **Чичерин Георгий Васильевич** (1872–1936) — советский дипломат, народный комиссар иностранных дел РСФСР.
- ¹⁰¹ **Зыбин Дмитрий Гаврилович** (1862–1918) — врач в Верее.
- ¹⁰² Д.Г. Зыбин умер 16 октября 1918 г.
- ¹⁰³ В документе ошибочно: 17 окт[ября] / 30 сент[ября].
- ¹⁰⁴ Главным фигурантом этого дела стал генерал М.А. Дорман, расстрелянный в Смоленске. Подробнее см.: *Ганин А.В.* Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 84–100.
- ¹⁰⁵ Вероятно, А.Е. Эверт ошибается при указании советских наименований. Речь идет о ЦК РКП(б) или о ВЧК.
- ¹⁰⁶ **Муралов Николай Иванович** — командующий войсками Московского военного округа.
- ¹⁰⁷ **Кистяковский** — председатель Можайской уездной ЧК и военный комиссар. По некоторым данным, расстрелян за превышение власти.
- ¹⁰⁸ Вычеркнуто — нервничает.
- ¹⁰⁹ **Эверт Софья Алексеевна** (1894–1917) — дочь генерала.
- ¹¹⁰ **Панина Варвара Васильевна** (1872–1911) — исполнительница цыганских романсов.
- ¹¹¹ Домашнее прозвище сына А.Е. Эверта Всеволода (1893–1916), умершего после тяжелой болезни.
- ¹¹² **Фердинанд I Кобургский** (1861–1948) — болгарский царь (1908–1918). Отрекся от престола в пользу сына Бориса 3 октября 1918 г.
- ¹¹³ **Борис III** (1894–1943) — болгарский царь (1918–1943).
- ¹¹⁴ **Шейдеман Филипп Генрих** (1865–1939) — германский социал-демократ, провозгласивший республиканскую власть в Германии 9 ноября 1918 г. Первый премьер-министр Веймарской республики.
- ¹¹⁵ Хорваты.
- ¹¹⁶ **Карл I (Карл Франц Иосиф)** (1887–1922) — император Австро-Венгрии (1916–1918).
- ¹¹⁷ **Покровский** — начальник можайской тюрьмы. Получатель писем Н.И. Эверт мужу в заключении (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 760. Л. 20б.). По воспоминаниям Н.И. Эверт, «*Покровский заведовал можайск[ой] тюрьмой много лет еще при старом режиме и, по-видимому, был ее добрым гением, стараясь, чем только мог, облегчить страдания заключенных; он и в то время, уже при большевистском режиме, отстаивал по отношению к последним свободу своих действий, рискуя этим навлечь на себя гнев новых правителей. К мужу он относился с трогательной заботой, т[ак], напр[имер], сам предложил нам свое посредничество в переписке, которая строго запрещалась местными властями*» (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 31–31об.).
- ¹¹⁸ Было в маленькой записочке, присланной с сопровождавшим из Вереи конвойным, вернувшимся в Можайск, она не сохранилась (*прим. Н.И. Эверт*).
- ¹¹⁹ Так в документе. Концентрационный.
- ¹²⁰ Возможно, **Горбунов Иван Федорович** (1831–1895) — русский писатель.
- ¹²¹ Взятие заложников было узаконено приказом народного комиссара внутренних дел Г.И. Петровского от 4 сентября 1918 г.
- ¹²² Слово не разобрала (*прим. Н.И. Эверт*).
- ¹²³ Алеша никогда не ставил знака препинания после обращения. Я ставлю для сокращения места, чтобы не начинать с новой страницы (*прим. Н.И. Эверт*).
- ¹²⁴ Так в документе. Вероятно, Трифонову.

¹²⁵ От того же числа письмо Борису и Веруне (*прим. Н.И. Эверт*).

¹²⁶ Так в документе. Возможно, речь идет о Кистяковском.

¹²⁷ Дневник Н.И. Эверт за 1918 г. пока не обнаружен.

~~~~~
ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (andrey_ganin@mail.ru). Россия.

ЭВЕРТ ИРЕНА ВАДИМОВНА — заведующая отделом управления информационными технологиями Государственного Русского музея (evertir@gmail.com). Россия.

«Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволуционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г.

Андрей Ганин. Ирена Эверт